

Остен Джейн Леди Сьюзен

Письмо первое
Леди Сьюзен Вернон - мистеру Вернону
Лангфорд, декабрь
Мой дорогой брат,

не могу более противиться искушению принять Ваше любезное приглашение, провести несколько недель в Черчилле, а потому, если Вам и миссис Вернон угодно будет принять меня, надеюсь в ближайшие несколько дней быть представленной своей сестре, с коей мне так давно не терпится познакомиться. Мои добрые друзья, у которых я остановилась, искренне уговаривают меня погостить у них еще, однако из-за своего гостеприимного и веселого нрава они ведут слишком светский образ жизни, не соответствующий моему нынешнему положению и умонастроению, и я с нетерпением жду того часа, когда смогу разделить с Вами Ваше восхитительное уединение. Давно мечтаю познакомиться и с Вашими прелестными детишками, с которыми, надеюсь, мы подружимся. Боюсь, вскоре мне понадобится вся моя выдержка, ведь мне предстоит разлука с дочерью. Долгая болезнь ее незабвенного отца лишила меня возможности уделить ей то внимание, какого требовали от меня в равной степени материнская любовь и долг, - гувернантка же, чьим заботам я ее вверила, со своими обязанностями, судя по всему, не справилась. Вот почему я решила определить дочь в одну из лучших лондонских частных школ, куда отвезу ее сама по пути к Вам. Как видите, в Черчилле я вознамерилась побывать невзирая ни на что. Мне и в самом деле будет очень горько, если окажется, что Вы не сможете принять меня.

Преданная и любящая сестра Ваша
Сьюзен Вернон.

Письмо второе
Леди Сьюзен - миссис Джонсон
Лангфорд

Вы ошиблись, моя дорогая Алисия, полагая, что я проведу здесь всю зиму. Грустно говорить, сколь сильно Вы ошиблись, ведь мне и в самом деле редко случалось проводить три месяца кряду с большим удовольствием. Но теперь, увы, удовольствие это осталось позади. Вся женская половина семьи объединилась против меня. Со свойственной Вам прозорливостью вы предугадали, как будут развиваться события, да и Мэнверинг был до такой степени обходителен, что смутные предчувствия возникли и у меня. Хорошо помню, как, подъезжая к дому, я сказала себе: "Мне нравится этот человек. Молю Бога, чтобы ничем дурным это не кончилось!" Я дала себе слово держаться скромно, ни на минуту не забывать, что овдовела всего четыре месяца назад, и вести себя тихо, как мышь. И свое слово я сдержала: если кому-то я и позволяла за собой ухаживать, то разве что Мэнверингу; на этот раз я решительно ни с кем не кокетничала, никому из гостей не отдавала предпочтения, за исключением, пожалуй, лишь сэра Джеймса Мартина, которому уделяла порой внимание, да и то с единственной целью - отвлечь его от мисс Мэнверинг. Если б только свет знал, чем я при этом руководствовалась, я бы вызвала всеобщее уважение. Меня называют плохой матерью, но мною двигала материнская любовь, я действовала исключительно в интересах своей дочери, и, не будь она столь простодушна, усилия мои были бы должным образом вознаграждены. Ведь сэр Джеймс просил у меня руки Фредерики, но Фредерика, это исчадие ада, столь яростно воспротивилась брачному союзу с сэром Джеймсом, что я сочла за лучшее покамест отступить. У меня не раз был повод пожалеть о том, что я не вышла за него замуж сама; не будь он столь непристойно глуп, я бы, безусловно, это сделала, но, должна признаться, существо я довольно романтическое и деньгами меня не купишь. В результате

все кончилось плачевно. Сэр Джеймс уехал, Мария оскорблена до глубины души, миссис же Мэнверинг непереносимо ревнива; она так меня ревнует, я вызываю у нее такое бешенство, что не удивлюсь, если она в сердцах станет апеллировать к своему опекуну, посмеет к нему обратиться... Но тут Ваш супруг, который совершил свой самый доблестный поступок, выдав ее замуж и тем самым навсегда от нее избавившись, будет на моей стороне. Прошу Вас, постарайтесь, чтобы его к ней отношение не изменилось. Сейчас всем нам невесело, дом изменился до неузнаваемости. Вся семья пребывает в состоянии войны, и Мэнверинг едва осмеливается со мной говорить. Пора мне освободить их от своего общества. Покинув Лангфорд, что я намереваюсь сделать на этой же неделе, я проведу, надо надеяться, целый день с Вами в Лондоне, и если я по-прежнему действую мистеру Джонсону на нервы, приезжайте ко мне сами на Вигмор-стрит, 10. Надеюсь, впрочем, делать этого Вам не придется, ведь мистеру Джонсону, при всех его недостатках, как никому другому присуще одно великое достоинство - "респектабельность"; со мной же, столь близкой подружкой его жены, обращаться пренебрежительно ему едва ли пристало.

В Лондон я заеду по дороге в эту глушь, ведь я говорила Вам, что собираюсь в Черчилл? Простите, моя дорогая, но это для меня последнее прибежище. Будь в Англии хотя бы один дом, готовый распахнуть передо мною свои двери, я бы, вне всяких сомнений, предпочла его. Чарльза Вернона я на дух не переношу, жены его боюсь. И тем не менее именно в Черчилле придется мне оставаться до тех пор, покуда судьба не будет ко мне более благосклонна. Моя дочь отправится со мной в Лондон, где будет учиться в пансионе мисс Саммерс на Вигмор-стрит - пусть набирается разума. Там она заведет полезные знакомства: у мисс Саммерс учатся девушки из лучших семей. Плата за обучение баснословная, таких денег у меня никогда не было и не будет.

Прощайте. Как только приеду в Лондон, пошлю Вам записку.

Всегда Ваша

Сьюзен Вернон.

Письмо третье

Миссис Вернон - леди де Курси

Черчилл

Дорогая матушка,

с сожалением уведомляю Вас, что мы не сможем, как обещали, провести с вами Рождество. Обстоятельство, лишившее нас этого удовольствия, взамен не доставит нам радости. В только что пришедшем письме леди Сьюзен объявила своему деверю о намерении посетить нас в самое ближайшее время, а поскольку она, по всей вероятности, заботится лишь о собственном благополучии, представить себе, сколь долго продлится ее визит, невозможно. Признаться, событие это застало меня врасплох, и как поведет себя ее светлость, я сейчас поручиться не могу. На мой взгляд, ей куда больше подходит Лангфорд. Зная, насколько импонирует ей изысканный и расточительный образ жизни, а также ее особую привязанность к миссис Мэнверинг, я никак не могла ожидать, что нам, да еще так скоро, будет отдано предпочтение, хотя давно заметила, каким чувством преисполнилась она к нам после смерти мужа, и понимала, что рано или поздно мы будем вынуждены ее принять. Боюсь, что мистер Вернон, находясь в Стаффордшире, был к ней излишне благосклонен. Не стану здесь в подробностях описывать ее характер, но, каким бы он ни был, не могу не сказать, что со времени нашей помолвки она вела себя со своим деверем столь коварно и лживо, что только такой добродушный и мягкий человек, как он, мог этого не заметить. И хотя в том, чтобы оказать денежную помощь вдове брата, да еще находящейся в стесненных обстоятельствах, нет ровным счетом ничего противоестественного, меня не покидает мысль, что в настоятельном приглашении посетить Черчилл, которое сделал ей муж, не было никакой необходимости. Однако его склонность думать о людях лучше, чем они есть на самом деле, свойственное ему великодушие, а также постигшее леди Сьюзен несчастье, ее сетования на судьбу, ее раскаяние - все это смягчило его сердце и вынудило поверить в ее искренность. Что же до меня, то я по-прежнему

пребываю в сомнении и сумею составить свое впечатление о леди Сьюзен, лишь когда пойму истинную причину ее визита. Думаю, Вы догадываетесь, матушка, с какими чувствами жду я ее приезда. Надо полагать, она пустит в ход все свое неотразимое обаяние, чтобы любой ценой завоевать мое расположение, я же сделаю все возможное, чтобы оградиться от ее чар - подождем, покуда ее светлость предьявит нечто более весомое. Она выражает горячее желание познакомиться со мной и весьма нежно отзывается о моих детях, но я не настолько наивна, чтобы полагать, будто женщина, которая отнеслась с небрежением, чтобы не сказать с черствостью, к своей собственной дочери, привяжется к моей. Мисс Вернон будет отправлена в школу в Лондоне до приезда к нам ее матери, чему я рада - и не только за себя, но и за нее. От разлуки с матерью она только выиграет, к тому же шестнадцатилетней девушке, которая получила столь скверное воспитание, здесь не место. Насколько я знаю, Реджинальд уже давно хотел познакомиться с этой пленительной леди Сьюзен, и мы надеемся вскоре его у нас увидеть. Рада, что отец пребывает в добром здравии.

Остаюсь любящая Вас

Кэтрин Вернон.

Письмо четвертое

Мистер де Курси - миссис Вернон

Парклендс

Дорогая сестра,

спешу поздравить тебя и мистера Вернона со скорым приездом самой отъявленной кокетки во всей Англии. Я всегда считал ее непревзойденной жеманницей, однако недавно до меня дошли слухи о ее поведении в Лангфорде, из которых следует, что она вовсе не ограничивается тем изящным флиртом, что доставляет удовольствие столь многим, но и предается более утонченному наслаждению приносить несчастье всем членам семьи одновременно. Своим обращением с мистером Мэнверингом она вызвала ревность и страдания его жены; благосклонностью же к молодому человеку, питавшему чувство к сестре мистера Мэнверинга, лишила славную девушку ее возлюбленного. Все это я узнал от мистера Смита - он находится сейчас в наших краях (я обедал с ним в Херсте и в Уилфорде) и только что приехал из Лангфорда, где провел две недели в обществе ее светлости, и, следовательно, прекрасно осведомлен.

Нет, какова! Мне и впрямь очень хотелось бы ее увидеть, и я, конечно же, приму твое любезное приглашение, чтобы составить собственное мнение о тех колдовских чарах, что способны - при том, что обаяния молодости уже нет, одновременно и в одном и том же доме внушить чувства сразу двум мужчинам, ни один из которых, заметь, проявлять их не свободен. Я рад, что мисс Вернон не едет со своей матерью в Черчилл - она слишком дурно воспитана и, если верить мистеру Смигу, вдобавок скучна и высокомерна. Там, где объединяются гордыня и глупость, притворство не поможет, поэтому мисс Вернон неизбежно стала бы всеобщим посмешищем. Что же до ее матери, то леди Сьюзен, насколько я могу судить, обладает поистине пленительным лукавством, наблюдать за которым будет столь же приятно, сколь и любопытно. До скорой встречи.

Любящий тебя брат

Реджинальд де Курси.

Письмо пятое

Леди Сьюзен - миссис Джонсон

Черчилл

Получила Вашу записку, моя дорогая Алисия, перед самым отъездом из города и очень рада, что мистер Джонсон пребывает в неведении о том, у кого Вы провели вчерашний вечер. Лучше говорить ему неправду, чем полуправду, упрямец следует водить за нос. До Черчилла я добралась без помех, нет у меня оснований жаловаться и на прием, оказанный мне мистером Верноном. Не могу, однако, сказать, что столь же тронута была я обхождением его супруги. Миссис Вернон и впрямь безупречно воспитана, она, безусловно, женщина светская, вместе с тем по ее поведению никак не скажешь, что она ко мне

расположена. Мне искренне хотелось произвести на нее впечатление, я старалась как могла, но увы, я положительно не в ее вкусе. Правда, если вспомнить, что в свое время я предприняла некоторые усилия, чтобы помешать ее браку с моим деверем, в отсутствие сердечности с ее стороны нет ничего удивительного, и все же, согласитесь, лишь нетерпимое и мстительное существо станет хранить в памяти события шестилетней давности, которые к тому же не обернулись в мою пользу. Признаться, я порой упрекаю себя за то, что не дала Чарльзу купить замок Вернон, когда мы были вынуждены продать его, однако это было мучительное испытание, к тому же продажа замка совпала по времени с его женитьбой. Любой оценит деликатность ситуации; мне было тяжело при мысли, что от вступления во владение фамильным поместьем младшего брата страдает достоинство старшего моего мужа. Имей мы возможность устроить дело таким образом, чтобы замок покидать не пришлось, живи мы вместе с Чарльзом и удержи мы его от женитьбы, я никогда бы не стала уговаривать мужа отдать родовое поместье в чужие руки. Однако Чарльз собирался тогда жениться на мисс де Курси, и это вполне объясняет мое поведение. Теперь у них полно детей, и какую, спрашивается, выгоду я бы извлекла, стань он владельцем Вернона? Очевидно, что, помешав этой сделке, я произвела на его жену неблагоприятное впечатление, но ведь известно: если человека не любишь, предлог всегда найдется. Что же касается денежной помощи, то эта история вовсе не помешала ему оказывать мне поддержку. Я, право же, к нему расположена: ничего не стоит вертеть им как угодно!

Дом очень хорош, мебель модная, все говорит о достатке и прекрасном вкусе. Чарльз, бесспорно, очень богат, и деловые люди с его мнением считаются. Вместе с тем ни он, ни его жена совершенно не в состоянии распорядиться своим богатством: гостей у них почти не бывает, да и в Лондон они ездят лишь по делам. Что ж, будем строить из себя дурачку. Надеюсь отыскать путь к сердцу своей невестки, завоевав расположение ее детей; я уже знаю, как кого зовут, и собираюсь с особой нежностью отнестись к их младшему сыну, юному Фредерику, которого я сажаю себе на колени и вздыхаю над ним, вспоминая его незабвенного дядюшку.

Бедный Мэнверинг! Нет нужды объяснять Вам, как мне его не хватает и как часто я о нем думаю. В Черчилле меня поджидало грустное письмо от него, полное жалоб на жену и сестру и сетований на жестокосердие судьбы. Вернонам я сказала, что оно от его жены, свои же письма к нему я буду выдавать за письма к Вам.

Всегда Ваша

С. В.

Письмо шестое

Миссис Вернон - мистеру де Курси

Черчилл

Итак, мой дорогой Реджинальд, наконец-то я воочию увидела эту страшную женщину и должна тебе ее описать, хотя, надеюсь, в скором времени ты сможешь составить о ней собственное мнение. Она и впрямь хороша чрезвычайно. Какие бы сомнения ни вызывали у тебя прелести немолодой уже дамы, должна со всей ответственностью заявить, что мне редко доводилось видеть женщину, столь же очаровательную. У нее прекрасные пепельные волосы, огромные серые глаза и темные ресницы; по тому, как она выглядит, ей не дашь и двадцати пяти, хотя в действительности она должна быть лет на десять старше. Как ты догадываешься, я не была склонна восхищаться ею, хотя и постоянно слышала, как она хороша, сейчас, однако же, не могу не признать, что ей присущи редко сочетающиеся совершенство линий, великолепие и грация. Со мной она была столь нежна, естественна и даже трогательна, что, не зная я, какую неприязнь она всегда питала ко мне из-за моего брака с мистером Верноном, забудь я, что вижу ее впервые, можно было бы счесть ее моей близкой подругой. Принято считать, будто кокетство сочетается с самоуверенностью и развязность в обращении неприменный признак развращенного ума, я, во всяком случае, ожидала, что леди Сьюзен поведет себя неподобающе свободно. Она же, как выяснилось, отличается приятной внешностью, у нее нежный голос и обворожительные манеры. Увы,

внешность эта обманчива, ведь все мы, к сожалению, слишком хорошо ее знаем. Она находчива и обходительна, достаточно знает свет и может поддержать любой разговор, чем, однако, по моему мнению, слишком часто пользуется, чтобы выдать черное за белое. Ей почти удалось убедить меня, что она очень привязана к своей дочери, хотя я всегда была уверена в обратном. О ней она говорит с такой нежностью и тревогой, так горько сетует на то, что должным образом не занималась ее образованием, каковое считает абсолютно необходимым, что я с трудом заставляю себя вспомнить, сколько лет ее светлость неизменно проводила весенние месяцы в Лондоне, оставив дочь в Стаффордшире на попечение слуг или гувернантки, мало чем от них отличающейся.

Коль скоро ей удалось произвести впечатление на такое злопамятное существо, как я, можешь себе представить, как действуют ее неотразимые чары на мистера Вернона, человека благородного и великодушного. Жаль, но я не так доверчива, и потому отказываюсь верить, что из Лангфорда в Черчилл она переехала по собственной воле. Не проводи она там целых три месяца, прежде чем обнаружила, что образ жизни ее друзей не соответствует ее нынешнему душевному состоянию, я еще могла бы поверить, что бурной светской жизни она предпочла уединение, переживая смерть такого мужа, как мистер Вернон (ее отношение к нему, к слову сказать, безупречным никак не назовешь). Зная, однако, сколь долгим было ее пребывание у Мэнверингов, размышляя о том, насколько отличалась жизнь, которую она вела у них, от той, на которую обрекает себя теперь, я вынуждена предположить, что отъезд из дома, где она, в сущности, была совершенно счастлива, объясняется желанием, пусть и несколько запоздалым, следовать правилам приличия, дабы восстановить свою пошатнувшуюся репутацию. Что же касается истории, рассказанной твоим приятелем мистером Смитом, то она едва ли достоверна, ибо ее светлость состоит в переписке с миссис Мэнверинг. В любом случае история эта наверняка преувеличена: даже леди Сьюзен едва ли способна на то, чтобы столь вероломно обманывать двух мужчин одновременно.

Твоя и проч. Кэтрин Вернон

Письмо седьмое

Леди Сьюзен - миссис Джонсон

Черчилл

Моя дорогая Алисия,

очень благодарна Вам за внимание, которое Вы уделяете Фредерике. Вы знаете, как высоко ценю я Вашу дружбу, но, хоть я не сомневаюсь в искренности Ваших дружеских чувств, совершенно не готова принять от Вас столь большую жертву. Фредерика - глупая девчонка, похвастаться ей решительно нечем. А потому мне очень бы не хотелось, чтобы Вы тратили свое драгоценное время, забирая ее к себе на Эдвард-стрит, тем более что каждый такой визит отвлекает ее от важнейшего дела - образования, каковое ей надлежит получить у мисс Саммерс. Я хочу, чтобы ей привили вкус к игре на фортепиано и к пению, ведь у нее моя рука и вполне сносный голос. Меня в детстве изрядно баловали, ничем заниматься не обязывали, и вот вам результат: я лишена некоторых достоинств, коими нынче обязана обладать любая хорошенькая женщина. Естественно, это вовсе не значит, что я считаю необходимым, как диктует сегодняшняя мода, в совершенстве знать разные языки, искусства и науки. По-моему, это пустая трата времени: если женщина владеет французским, итальянским, немецким, если умеет играть на фортепиано, петь, рисовать и проч., она может вызвать аплодисменты, но никак не пылкие чувства. В конечном счете все решает не образование, а обаяние и манеры. Итак, я считаю, что Фредерике не следует слишком увлекаться науками, и утешаю себя тем, что недолгое пребывание в школе мисс Саммерс не позволит ей изучить что-либо глубоко. Надеюсь, что не позже чем через год она станет женой сэра Джеймса. Вы знаете, на чем основывается моя надежда, и это, безусловно, основание вполне серьезное, поскольку для девочки возраста Фредерики обучение в школе - крайне унизительное занятие. Вот почему я бы предпочла, чтобы Вы не приглашали ее к себе - мне хочется, чтобы ее жизнь была как можно более безотрадной. В сэре Джеймсе я нисколько не сомневаюсь: мне стоит лишь написать короткую записку, чтобы он возобновил

свои ухаживания. Вас же я попросила бы постараться оградить его от новых знакомств, когда он придет в Лондон. Зовите его время от времени к себе и беседуйте с ним о Фредерике, чтобы он ее не забывал.

В целом же я чрезвычайно довольна тем, как я все устроила, и считаю, что мне удалось наилучшим образом сочетать осмотрительность и материнские чувства. Иные матери потребовали бы, чтобы их дочь приняла столь лестное предложение с первого же раза, но разве могла я принудить Фредерику вступить в брак с человеком, ей ненавистным? И вот, вместо того чтобы прибегнуть к столь суровой мере, я даю ей возможность согласиться с моим выбором добровольно, создав ей условия, при которых она в конечном счете выйдет за сэра Джеймса. Но довольно об этой порядком надоевшей мне девчонке.

Вам, должно быть, небезынтересно узнать, как я провожу здесь время. Первая неделя тянулась мучительно долго, теперь, однако, ситуация изменилась к лучшему. К нашему обществу присоединился брат миссис Вернон, красивый молодой человек, который, очень может быть, скрасит мое существование. Есть в нем эдакая дерзость, развязность, с которой я буду бороться. Человек он живой и неглупый, и когда мне удастся внушить к себе большее уважение, чем то, каковое диктует ему любезное обращение со мной его сестры, думаю, с ним можно будет завести приятный флирт. Есть ведь особое наслаждение в том, чтобы подчинить себе дерзкого наглеца, заставить человека, против тебя настроенного, признать твое превосходство. Своей холодной сдержанностью я уже привела его в замешательство, попытаюсь смирить гордыню этих зазнавшихся де Курси и в дальнейшем, дабы убедить миссис Вернон в том, что ее сестринские предостережения были напрасны, а Реджинальда - что она оклеветала меня самым бессовестным образом. Это, по крайней мере, меня позабавит, и я не буду испытывать столь горьких чувств от разлуки с Вами и со всеми, кого люблю. Прощайте.

Всегда Ваша

С. Вернон.

Письмо восьмое

Миссис Вернон - леди де Курси

Черчилл

Дорогая матушка,

похоже, Реджинальд у нас задержится. Он просит меня известить Вас, что установившаяся погода побуждает его принять приглашение мистера Вернона продлить свое пребывание в Сассексе, чтобы они могли вместе поохотиться. Он собирается немедленно послать за своими лошадьми, и предположить, когда он возвратится в Кент, невозможно. От Вас, дорогая матушка, я не стану скрывать своих чувств в связи с изменением его планов, однако предпочла бы, чтобы Вы не делились этими чувствами с отцом, чье постоянное беспокойство за Реджинальда непременно перерастет в тревогу, которая может самым пагубным образом сказаться на его здоровье и душевном равновесии. За какие-нибудь две недели леди Сьюзен сумела влюбить в себя моего брата. Я убеждена, что у нас он собирается пробыть дольше, чем намеревался, не столько из-за желанья поохотиться с мистером Верноном, сколько из-за сердечной привязанности, поэтому в этот раз я едва ли получу от общества брата то удовольствие, какое получаю обычно.

Коварство этой беспринципной женщины и в самом деле сводит меня с ума. Что может служить более убедительным доказательством ее происков, чем перемена, произошедшая с Реджинальдом, который по приезде настроен был против нее самым решительным образом? В своем последнем письме он привел мне некоторые подробности ее неприглядного поведения в Лангфорде, о чем ему поведал один джентльмен, прекрасно ее знавший, и к чему Реджинальд отнесся с безусловным доверием. Если только история эта соответствует действительности, поведение леди Сьюзен не может не вызывать отвращения. Уверена, собираясь к нам, он был о ней самого невысокого мнения; когда я их познакомила, было совершенно очевидно, что он полагал ее недостойной изысканного обращения и уважения и думал, что она будет счастлива вниманием любого мужчины, расположенного с ней

пофлиртовать.

Надо отдать ей должное: она сделала все, чтобы развеять это мнение, в ее поведении не было решительно ничего предосудительного, ни капли самолюбия, претензии, ветрености. К тому же она так хороша собой, что восторг, в который пришел от нее Реджинальд, был бы совершенно естественным, не знай он о ней ничего до той минуты, когда состоялось их знакомство. Но вот то, что влюбился он в нее безоглядно, напрочь позабыв доводы рассудка и собственные убеждения, не может меня не удивлять. Поначалу его восхищение ею было хотя и велико, однако вполне понятно: его покорила ее мягкость и изысканность: но на днях он принялся расточать ей совершенно несообразные комплименты, вчера же заявил, что его нисколько не удивляет, что существо столь обворожительное и одаренное с легкостью покоряет сердце любого мужчины. Когда в ответ я стала сетовать на ее дурные поступки, он заметил, что какие бы просчеты в жизни она ни совершала, приписать их следует исключительно дурному воспитанию и раннему браку, вообще же она женщина совершенно удивительная.

Более всего меня раздражает его стремление во всем найти ей оправдание, забыть под воздействием страсти ее прегрешения, и хотя я понимаю, что Реджинальд в Черчилле человек свой и в приглашении продлить визит не нуждается, я, по правде сказать, пожалела, что муж вообще ему это приглашение сделал.

Верно, никаких иных целей, кроме кокетства и желания вызвать всеобщее восхищение, леди Сьюзен не преследует. Не могу представить себе, что она задумала нечто более серьезное, - и все же горько наблюдать, как у такого разумного молодого человека, как Реджинальд, голова идет от нее кругом.

Примите и проч.,

Кэтрин Вернон.

Письмо девятое

Миссис Джонсон - леди Сьюзен

Эдвард-стрит

Бесценный друг,

поздравляю Вас с приездом мистера де Курси и советую непременно его на себе женить - наследство его, говорят, значительно и почти наверняка неделимо и неотчуждаемо. Сэр Реджинальд сильно хворает и вряд ли протянет долго. У молодого человека, насколько мне известно, неплохая репутация, и хотя не родился еще мужчина, который был бы достоин Вас, дорогая моя Сьюзен, за мистера де Курси, мне кажется, побороться стоило бы. Мэнверинг, конечно же, будет негодовать, но Вы его легко усмирите. Не ждате же Вам, покуда он окажется свободен! Сэра Джеймса я видела: на прошлой неделе он приезжал на несколько дней в Лондон и не раз бывал на Эдвард-стрит. Я говорила с ним о Вас и о Вашей дочери - вы обе настолько живо присутствуете в его памяти, что он наверняка с удовольствием женится на любой из вас. Я внушила ему надежду, что Фредерика смягчится, и подробно рассказала об ее успехах. Я было отругала его за то, что он ухаживал за Марией Мэнверинг, однако он возразил, что делал это в шутку, и мы оба от души посмеялись над тем, какое ее постигнет разочарование. В общем, мы прекрасно провели время. Он все так же глуп.

Преданная Вам

Алисия.

Письмо десятое

Леди Сьюзен - миссис Джонсон

Черчилл

Очень благодарна Вам, бесценный друг, за совет в отношении мистера де Курси, каковой, не сомневаюсь, Вы дали, будучи уверены в его целесообразности. Однако я вовсе не убеждена, что ему последую. Решиться на столь серьезное предприятие, как брак, я не могу, тем более что в настоящее время недостатка в средствах не испытываю и до смерти старшего де Курси от этого союза мало что выиграю. Между тем уже сейчас самолюбие мое

удовлетворено: он в моих руках. Теперь он уверовал в силу моих чар и я могу наслаждаться плодами победы над тем, кто готов был меня невзлюбить и кого против меня настроили. Полагаю, что и сестра его убедилась, сколь невыгодно представлять одного человека другому в дурном свете, если предубеждениям этим противостоят ум и безукоризненные манеры. Мне совершенно очевидно, что перемена к лучшему в отношении ко мне ее брата действует ей на нервы, из чего следует, что она непременно нанесет мне ответный удар. Но коль скоро однажды мне уже удалось заставить его усомниться в справедливости ее слов, думаю, я и на этот раз найду, чем ей ответить.

Мне доставляет удовольствие наблюдать, как он пытается со мной сблизиться, в особенности же - насколько он ко мне переменяется после того, как на его доходящую до откровенной фамильярности дерзость я ответила сдержанно и с чувством собственного достоинства. И то сказать, с самого начала я вела себя весьма осмотрительно, я ни разу в жизни не кокетничала меньше, чем теперь, и это при том, что никогда прежде не испытывала столь сильного желания добиться успеха. Я всецело подчинила его себе остротой ума и глубокомысленными беседами, и сейчас он, беру на себя смелость утверждать это, по меньшей мере полувлюблен в меня - без малейшего налета пошлого флирта. Веду я себя настолько мягко и ни на что не претендуя, что лишь миссис Вернон, которая в душе сознает, что заслужила мою месть за свои происки, может подозревать, будто такое поведение скрывает далеко идущие планы. Что ж, пусть думает и поступает, как считает нужным: я еще ни разу не видела, чтобы совет сестры помешал молодому человеку влюбиться по своему усмотрению. Сейчас у нас с ним устанавливаются отношения весьма доверительные, что-то вроде платонической любви. Что до меня, то дальше я не пойду ни за что: даже не будь я так сильно привязана к другому человеку, я бы никогда не полюбила того, кто смел столь дурно обо мне думать.

Реджинальд хорош собой и вполне заслуживает похвал, о чем Вы, надо полагать, слышали, - и вместе с тем он ни в какое сравнение не идет с нашим общим другом из Лангфорда. Он не столь изыскан, не столь обольстителен, как Мэнверинг, и ему не дано говорить те очаровательные пустяки, какие приятны и ему и окружающим. Впрочем, он вполне мил, без него было бы совершенно непереносимо каждодневно лицезреть поджатые губы моей невестки, а также слушать пустую болтовню ее супруга.

Ваш рассказ о сэре Джеймсе очень меня порадовал, и в скором времени я намереваюсь наметнуть Фредерике о своих планах.

Ваша и проч.,

С. Вернон.

Письмо одиннадцатое

Миссис Вернон - леди де Курси

Черчилл

Чем заметнее, дорогая матушка, становится влияние на Реджинальда леди Сьюзен, тем большее беспокойство оно у меня вызывает. В настоящее время их связывает очень тесная дружба, они часто и подолгу беседуют, и ей удалось с помощью самого искусного кокетства склонить его на свою сторону. Невозможно без тревоги наблюдать за тем, какая близость установилась между ними, да еще за такой короткий срок, хотя не думаю, чтобы брак с Реджинальдом входил в планы леди Сьюзен. Вот почему я была бы рада, если бы Вы под любым благовидным предлогом уговорили Реджинальда вернуться домой. Что до него, то он вовсе не расположен покинуть нас, и это при том, что я много раз, насколько это позволяет мое положение хозяйки дома, намекала ему на пошатнувшееся здоровье отца. Она обладает над Реджинальдом поистине безграничной властью, ей удалось заставить его полностью изменить первоначальное мнение, и теперь он не просто забыл, как дурно она себя вела, но целиком ее поведение оправдывает. Ранее казавшийся Реджинальду вполне достоверным рассказ мистера Смита о ее лангфордских похождениях, о том, что она влюбила в себя не только мистера Мэнверинга, но и молодого человека, помолвленного с мисс Мэнверинг, теперь представляется ему гнусной клеветой. О чем он с горячностью и сообщил мне,

искренне сетуя, что поверил наветам.

Вы не представляете, матушка, как я ругаю себя, что позволила ей переступить порог нашего дома! Ее приезд с самого начала вселял в меня беспокойство, однако я и помыслить не могла, какая опасность угрожает Реджинальду. Я знала, что обрекаю себя на весьма тягостное общение, но могла ли я вообразить, что брат мой попадет в любовные сети, расставленные женщиной, чьи жизненные принципы были ему столь хорошо известны и чей нрав еще совсем недавно - столь ненавистен?! Буду счастлива, если Вам удастся уговорить его уехать.

Любящая Вас

Кэтрин Вернон

Письмо двенадцатое

Сэр Реджинальд де Курси - своему сыну

Парклендс

Я знаю, молодые люди, как правило, не посвящают никого, даже ближайших родственников, в свои сердечные дела. И тем не менее, мой дорогой Реджинальд, хочется надеяться, что ты окажешься выше тех, кому безразлична родительская тревога и кто считает себя вправе отказать отцу в доверии и пренебречь его советом. Как единственный сын и представитель древнего рода ты должен сознавать, что твое поведение не может не вызывать у родственников повышенный интерес, в особенности в таких делах, как женитьба, где на карту поставлено абсолютно все: твое собственное счастье, счастье твоих родителей, твое доброе имя. Я вовсе не утверждаю, что ты намерен принять столь ответственное решение единолично, не поставив в известность твою мать и меня или, по крайней мере, не убедившись, что мы одобряем твой выбор, но я боюсь, как бы известная особа, что так быстро расположила тебя к себе, не уговорила тебя сочетаться с ней законным браком, который непременно вызовет осуждение у всех, близких и дальних, членов твоей семьи.

Возраст леди Сьюзен - существенная помеха для такого брака, но дурная репутация - препятствие настолько серьезное, что в сравнении с этим даже разделяющие вас двенадцать лет особого значения не имеют. Не будь ты так увлечен ею, приводить здесь примеры ее неподобающего поведения, столь хорошо всем известные, не имело бы смысла. Ее пренебрежение супружеским долгом, кокетство, сумасбродство и мотовство столь постыдны и столь печально известны, что о них в свое время знали буквально все - не забыты они и по сей день. Благодаря добросердечию мистера Чарльза Вернона семья наша всегда относилась к ее слабостям достаточно терпимо, и все же, несмотря на все его великодушные попытки найти ей оправдание, нам известно, что из самых корыстных побуждений она делала все, дабы расстроить его брак с Кэтрин.

Я уже немолод, здоровье мое пошатнулось, и мне бы очень хотелось, мой дорогой Реджинальд, чтобы ты встал на ноги как можно скорее. При моем достатке состояние твоей будущей жены большого значения для меня не имеет, но ее происхождение и репутация должны быть равно безукоризненны. В этом случае я могу обещать тебе, что дам согласие на твой брак с радостью и без промедления. Вместе с тем считаю своим долгом противостоять союзу, который может быть достигнут лишь посредством самого низкого коварства и в конечном счете сделает тебя несчастным.

Не исключено, что ее поведение объясняется лишь тщеславием, либо желанием вызвать восхищение человека, которого, как ей мнится, против нее настроили; однако куда более вероятно, что цели, которые она преследует, простираются гораздо дальше. Она бедна и, что естественно в ее положении, ищет выгодную партию. Твои права тебе хорошо известны: лишить тебя родового поместья не в моей воле. Обречь же тебя на бедность, покуда я жив, было бы мстительным поступком, до которого я едва ли когда-нибудь опущусь. Видишь, я чистосердечно делюсь с тобой своими чувствами и намерениями. Я вовсе не хочу тебя запугать, я полагаюсь на твой разум и сыновнюю любовь. Если же мне станет известно, что ты все-таки женился на леди Сьюзен Вернон, я потеряю покой, во мне умрет гордость, какую я всегда испытывал за своего сына, и я буду краснеть при виде его,

при упоминании его имени, при одной мысли о нем.

Излив тебе душу, я, быть может, ничего более существенного этим письмом не добьюсь. Вместе с тем я считал своим долгом сообщить тебе, что твоя склонность к леди Сьюзен для твоих друзей секретом не является, и предупредить тебя о последствиях. Мне бы хотелось знать, по какой причине ты отказываешься теперь верить мистеру Смиту - еще месяц назад правдивость истории, которую он тебе поведал, не вызвала у тебя ни малейших сомнений.

Если ты подтвердишь, что лишь наслаждаешься беседой с умной женщиной и восхищаешься ее красотой и дарованиями, при этом вовсе не закрывая глаза на ее недостатки, - ты вернешь мне покой; если же такого подтверждения дать не сможешь, потрудись хотя бы объяснить мне, чем вызвана столь разительная перемена в твоём к ней отношении.

Остаюсь и проч.

Реджинальд де Курси.

Письмо тринадцатое

Леди де Курси - миссис Вернон

Парклендс

Дорогая Кэтрин,

к несчастью, твое последнее письмо застало меня в постели. Я простудилась, и у меня так слезились глаза, что я не сумела отказаться от помощи твоего отца, вызвавшегося прочесть мне его вслух, вследствие чего он, к моему великому сожалению, узнал о том, как ты тревожишься за своего брата. Я собиралась, как только зрение мне позволит, написать Реджинальду сама, дабы сообщить ему, чем рискует молодой человек его возраста и положения, сойдясь со столь коварной женщиной, как леди Сьюзен. Кроме того, я хотела напомнить ему, что теперь мы с отцом остались совсем одни и он бы скрасил нам долгие зимние вечера, которые мы принуждены проводить в полном одиночестве. Принесло бы такое письмо пользу или нет, теперь сказать трудно, сейчас же меня более всего заботит то, что сэр Реджинальд узнал о деле, которое мы с тобой намеревались от него скрыть. Стоило ему прочесть твое письмо, как он живо воспринял все твои опасения и, я уверена, с этой минуты непрестанно о них думает; с той же почтой он отправил Реджинальду длинное послание, в котором среди прочего требует объяснить, в результате чего так переменилось его отношение к леди Сьюзен, о поведении которой ранее он слышал столь ошеломляющие рассказы. Ответ пришел сегодня утром, и я отправляю его тебе вместе со своим письмом, ибо нахожу его весьма любопытным. Написан он с такой решимостью представить леди Сьюзен в положительном свете, что все заверения Реджинальда относительно женитьбы и проч. никоим образом меня не убеждают. Тем не менее я делаю все, чтобы успокоить твоего отца, и он, надо признать, прочитав ответ, волноваться стал немного меньше. Кто бы мог подумать, дорогая Кэтрин: твоя злополучная гостья не только помешала нам встретиться на Рождество, но и явилась причиной стольких тревожений. Поцелуй от меня милых деток.

Любящая тебя мать

К. де Курси.

Письмо четырнадцатое

Мистер де Курси - сэру Реджинальду

Черчилл

Дорогой отец,

только что получил Ваше письмо, которое, признаюсь, удивило меня несказанно. Видимо, я должен благодарить сестру за то, что, представив дело в ложном свете, она причинила вам с матушкой столько беспокойства. Мне не дано знать, отчего она сочла возможным поделиться с вами своей тревогой из-за события, которое, могу Вас заверить, лишь ей одной представляется сколько-нибудь вероятным. Приписать леди Сьюзен подобные намерения значило бы отказать ей в блестящем уме, на что не осмеливаются даже злейшие ее враги; не вправе претендовать на обладание здравым смыслом и я, если в моем с

ней обращении можно усмотреть матримониальные планы. Разница в возрасте и впрямь является непреодолимым препятствием, и я умоляю Вас, дорогой отец, успокоиться и не таить более подозрений, губительных для Вашего покоя и оскорбительных для нашего взаимопонимания.

Если я и провожу время с леди Сьюзен, то лишь затем, чтобы (как Вы сами выразились) насладиться беседой с женщиной выдающегося ума. Если бы миссис Вернон в своих письмах больше места уделяла тем нежным чувствам, какие я питаю к ней и к ее мужу, это было бы куда более справедливо по отношению к нам всем; к несчастью, у моей сестры создалось настолько превратное мнение о леди Сьюзен, что переубедить ее не представляется возможным. Из-за привязанности к своему мужу, каковая делает честь им обоим, она не может простить леди Сьюзен попытку воспрепятствовать их союзу, которая приписывается исключительно ее своекорыстию. Но в этом случае, как и во многих других, общество, предположив худшее - в то время как побуждения ее были не вполне понятны окружающими, нанесло сей достойной даме тяжкое оскорбление.

Поверив слухам, порочащим мою сестру, леди Сьюзен сочла, что счастье мистера Вернона, к которому она всегда была очень привязана, совершенно несовместимо с этим браком. Это обстоятельство объясняет истинные мотивы поведения леди Сьюзен и снимает с нее всю вину, которую не замедлили на нее возложить. Оно также убеждает нас в том, сколь мало следует доверять досужим сплетням, ибо нападок не в состоянии избежать и самые достойные. Коль скоро даже моей сестре, живущей вдаль от света и не имеющей ни склонности, ни возможности творить зло, не удалось избежать обвинений, вправе ли мы опрометчиво осуждать тех, кто вращается в обществе и подвергается постоянным соблазнам и кого обвиняют в проступках, которые эти люди предположительно могли бы совершить?

Не могу простить себе, что с такой легкостью поверил бессовестным измышлениям Чарльза Смита, выставившего леди Сьюзен в столь неблагоприятном свете, ибо сейчас я глубоко убежден: все его рассказы - злостная клевета. Что же до ревности миссис Мэнверинг, то это было вымыслом от начала до конца, да и история о попытках леди Сьюзен переманить возлюбленного мисс Мэнверинг немногим правдивее. Эта юная леди стремилась обратить на себя внимание сэра Джеймса Мартина лишь потому, что человек он состоятельный и брак с ним был бы ей очень выгоден. Хорошо известно, что мисс Мэнверинг хочет поскорей выйти замуж, а потому сию особу невозможно жалеть по той лишь причине, что, потерпев поражение от женщины более привлекательной, она утратила возможность сделать весьма достойного человека глубоко несчастным. Леди Сьюзен вовсе не собиралась с ней соперничать и, обнаружив, сколь тяжело мисс Мэнверинг переживает неверность своего возлюбленного, приняла решение покинуть их дом, несмотря на все самые искренние попытки мистера и миссис Мэнверинг ее отговорить. У меня есть основания предполагать, что сэр Джеймс и в самом деле предложил леди Сьюзен руку и сердце, однако ее в полной мере оправдывает то обстоятельство, что, узнав о его отношениях с мисс Мэнверинг, она незамедлительно покинула Лангфорд. Уверен, дорогой отец, что Вас убедит логика моих рассуждений и Вы сумеете отдать должное женщине, оскорбленной в своих лучших чувствах.

Мне хорошо известно, что, отправляясь в Черчилл, леди Сьюзен руководствовалась побуждениями самыми благородными. Ее благоразумие и осмотрительность достойны подражания, ее уважение к мистеру Вернону ничуть не уступает даже его великодушию, стремление же завоевать расположение моей сестры заслуживает того, чтобы к нему отнеслись более благосклонно. Леди Сьюзен - образцовая мать. Бесспорное доказательство ее материнских чувств в том, что она поместила дочь в надежное место, где ее образованием займутся должным образом; однако по той причине, что к своему чаду она не питает слепой и безоглядной любви, свойственной многим матерям, ее обвиняют в отсутствии нежности. Между тем всякий разумный человек, без сомнения, оценит ее продуманную материнскую заботу и вместе со мной пожелает Фредерике Вернон стать в будущем более достойной того трогательного чувства, какое испытывает к ней ее мать.

Итак, дорогой отец, я поделился с Вами своими мыслями о леди Сьюзен; из этого письма Вы узнаете, как восхищаюсь я ее талантами и как высоко ценю ее душевные качества. Если же Вы откажетесь верить моим заверениям, что страхи Ваши совершенно беспочвенны, то несказанно этим меня расстроите.

Остаюсь и проч.

Р. де Курси.

Письмо пятнадцатое

Миссис Вернон - леди де Курси

Черчилл

Дорогая матушка,

возвращаю Вам письмо Реджинальда, радуясь от всей души, что отца оно успокоило. Передайте ему эти слова, однако, между нами говоря, меня это письмо убедило лишь в том, что у моего брата нет намерений жениться на леди Сьюзен в настоящее время, а вовсе не в том, что ему не угрожает опасность сделать это через три месяца. Ее поведение в Лангфорде описано им как весьма благонравное; как бы мне хотелось, чтобы он оказался прав, а между тем он явно находится под ее влиянием, и я склонна не столько верить тому, что он пишет, сколько сетовать на существующую между ними близость, которая угадывается в его рассуждениях на эту тему.

Мне жаль, что я вызвала его неудовольствие, но пока он так рьяно защищает леди Сьюзен, наши отношения едва ли изменятся к лучшему. Он и впрямь очень на меня сердит, и все же хочется надеяться, что в своих суждениях о ней я не была опрометчива. Бедняжка! Хоть у меня есть все основания не любить ее, я не могу не испытывать к ней жалость, ибо в настоящее время она действительно очень расстроена, и есть отчего. От дамы, в чей пансион она поместила свою дочь, пришло сегодня утром письмо, где говорится, что мисс Вернон следует незамедлительно забрать домой, ибо она предприняла попытку бежать. По какой причине и куда она направлялась, остается загадкой, но коль скоро у пансиона безупречная репутация, леди Сьюзен есть от чего расстраиваться.

Сейчас Фредерике должно быть не меньше шестнадцати, и ей следовало бы вести себя осмотрительнее, однако девочка она, судя по тому, что о ней говорит мать, вздорная. Впрочем, произошло все оттого, что в детстве она была предоставлена самой себе, о чем ее матери не худо бы помнить.

Как только леди Сьюзен пришла к решению, что следует предпринять в этой ситуации, мистер Вернон отправился в Лондон в надежде уговорить мисс Саммерс оставить у себя Фредерику, а если успеха не добьется, привезти девочку в Черчилл, покуда не удастся найти ей другую школу. Тем временем ее светлость утешается тем, что подолгу бродит с Реджинальдом по аллеям парка; воспользовавшись происшедшим, она, надо полагать, всячески пытается его разжалобить. Подолгу говорит она о случившемся и со мной, причем весьма красноречиво; я бы даже сказала, если б не хотела показаться невеликодушной, слишком красноречиво для сердобольной матери. Но довольно о ее недостатках. Ведь она может стать женой Реджинальда. Упаси Бог! А впрочем, почему я должна быть прозорливее остальных? Мистер Вернон утверждает, что никогда еще не видел существа более опечаленного, чем ее светлость по получении письма из Лондона. Неужто он понимает в людях меньше моего?

Ей очень не хотелось, чтобы Фредерике разрешили приехать в Черчилл, и ее можно понять, ведь тем самым мы поощряем поступок, заслуживающий наказания. Впрочем, ее все равно больше некуда отправить - в любом случае, долго она здесь не пробудет.

"Была бы вам очень признательна, дорогая сестра, если б вы вели себя с ней построже, - заявила мне ее светлость. - Мне это будет нелегко, но я попытаюсь с этим смириться. Боюсь, я часто бывала к ней чересчур снисходительна, но нрав у моей бедной Фредерики таков, что она не переносит даже малейшего противодействия. Вы должны меня поддержать и воодушевить; если же вы считаете меня излишне мягкосердечной, то вам следует настоять на необходимости порицания".

Все это звучит весьма убедительно. У Реджинальда же эта бедная глупышка вызывает негодование! Разумеется, леди Сьюзен не делает чести, что он так настроен против ее дочери, ведь судит он о ней с ее собственных слов.

Что ж, как бы ни сложилась его судьба, будем утешаться мыслью, что мы сделали все от нас зависящее, чтобы его спасти. Остается полагаться на волю небес.

Всегда Ваша и проч.

Кэтрин Вернон.

Письмо шестнадцатое

Леди Сьюзен - миссис Джонсон

Черчилл

Ничто еще, дражайшая моя Алисия, не приводило меня в такое бешенство, как письмо, которое нынче утром я получила от мисс Саммерс. Моя девчонка, это исчадие ада, как выяснилось, попыталась убежать из школы. Никогда не думала, что она у меня такая чертовка, мне всегда казалось, что в ней есть верноновская покладистость, однако, получив от меня письмо, в котором я известила ее о своих планах, связанных с сэром Джеймсом, она предприняла попытку сбежать - иначе, во всяком случае, я ее поступок объяснить не могу. Вероятно, она собиралась отправиться в Стаффордшир к Кларкам - больше ей ехать было некуда. Но она будет наказана, она будет его женой. Я отправила Чарльза в Лондон попробовать, если получится, замять эту историю, ведь в Черчилле Фредерике делать нечего. Если же мисс Саммерс откажется ее у себя держать, Вы должны будете найти ей другую школу или же помочь мне немедленно выдать ее замуж. Мисс С. пишет, что не смогла добиться от юной леди объяснений ее странного поступка, что лишь убеждает меня в правильности моей догадки.

Фредерика будет молчать - она слишком робка и слишком меня боится, но даже если ее дядя, благодаря своей обходительности, что-нибудь у нее выведает, мне беспокоиться не о чем. Уверена, моя версия окажется ничуть не хуже. Если чем я и могу похвастаться, так это хорошо подвешенным языком. Хорошо подвешенный язык вызывает уважение и почет точно так же, как красота вызывает восхищение. Так вот, сейчас я имею отличную возможность продемонстрировать свой талант, ибо большая часть времени уходит у меня на разговоры. Реджинальд готов вести непринужденную беседу, только когда мы с ним наедине, поэтому, если погода благоприятствует, мы часами бродим по парку. В целом Реджинальд мне очень нравится, он умен, и ему есть что сказать, вместе с тем он бывает резок и раздражителен. Отличает его и какая-то странная мнительность: он требует подробнейших объяснений всему, что слышал про меня дурного, и вопросы будет задавать до тех пор, пока все себе не уяснит.

Такого рода поклонник, признаться, не слишком мне по душе; куда больше мне импонирует нежный и свободный от предрассудков Мэнверинг: он настолько убежден в моих достоинствах, что считает меня правой во всем и с долей презрения относится к причудам вечно вопрошающего, сомневающегося сердца, постоянно проверяющего целесообразность своих чувств. У Мэнверинга и в самом деле есть все преимущества перед Реджинальдом, но нет возможности быть со мной. Бедный! Он наверняка извелся от ревности, о чем, впрочем, я вовсе не жалею, ведь любви без ревности не бывает. Он умолял меня позволить ему приехать в эти края и поселиться инкогнито где-нибудь поблизости, однако это я ему настрого запретила. Непростительно поведение тех женщин, которые забывают, что пристало им делать, дабы не уронить себя в глазах света.

Всегда Ваша

С. Вернон.

Письмо семнадцатое

Миссис Вернон - леди де Курси

Черчилл

Дорогая матушка,

в четверг вечером вернулся мистер Вернон со своей племянницей. Еще днем леди

Сьюзен получила от него письмо, где говорилось, что мисс Саммерс наотрез отказывается оставить мисс Вернон у себя в школе. Мы, следовательно, были готовы к ее приезду и с нетерпением ожидали их весь вечер. Приехали они, когда мы пили чай, и должна сказать, что никогда прежде не приходилось мне видеть существа более запуганного, чем Фредерика.

Леди Сьюзен, которая пролила столько слез в ожидании дочери, встретила ее совершенно невозмутимо, не выдавая своих чувств. Она почти не разговаривала с ней, а когда Фредерика, стоило нам сесть за стол, разрыдалась, вывела ее из комнаты и довольно долго не возвращалась; когда же она наконец к нам присоединилась, глаза у нее были красные и выглядела она такой же взволнованной, как и до приезда дочери. Фредерика в тот вечер больше не появлялась.

Бедный Реджинальд был так опечален, видя, как расстроена его очаровательная подруга, он смотрел на нее так участливо, что я, заметив, с каким торжеством она поглядывает на него, с трудом себя сдерживала. Эта мелодрама продолжалась весь вечер, и столь нарочитое и искусственное выражение чувств окончательно убедило меня в том, что на самом деле она не чувствует ровным счетом ничего.

Леди Сьюзен стала вызывать у меня еще большую неприязнь с той минуты, как я увидела ее дочь. У бедняжки такой несчастный вид, что у меня сердце кровью обливается. Леди Сьюзен, несомненно, излишне строга с ней: у Фредерики не тот нрав, что требует строгих мер. Она робка, удручена и явно раскаивается в содеянном.

Она очень хорошенькая, хотя и не так красива, как леди Сьюзен, да и вообще мало на нее похожа. У нее тонкие черты лица, однако не столь яркие и впечатляющие, как у матери; скорее она пошла в Вернонов: овальное личико, кроткий взгляд темных глаз; когда она говорит со своим дядей или со мной, глаза излучают нежность - бесспорно, она испытывает благодарность за нашу доброту. Ее мать не раз намекала на то, что нрав у нее неуживчивый, однако мне ни разу не приходилось видеть лица, которое бы менее свидетельствовало о дурных наклонностях: и теперь, когда я имею возможность сравнивать поведение матери и дочери по отношению друг к другу - неизменную суровость леди Сьюзен и молчаливую удрученность Фредерики, - я лишь утверждаюсь в мысли, что мать никогда по-настоящему не любила свою дочь, не отдавала ей должного, не питала к ней теплых чувств.

Мне покамест не представился случай поговорить со своей племянницей: она застенчива, к тому же, если не ошибаюсь, кому-то не очень хочется, чтобы она проводила время со мной. Чем был вызван ее побег, пока не вполне понятно. По дороге сюда ее сердобольный дядюшка, как Вы догадываетесь, не задавал ей лишних вопросов, ибо боялся ее расстроить. Жаль, что за ней поехал он, а не я: за тридцать миль пути я бы все выяснила.

На днях, по просьбе леди Сьюзен, к ней в гостиную перенесли небольшое фортепиано, и большую часть дня Фредерика проводит там. Называется это "упражнениями", однако из комнаты, когда бы я ни проходила мимо, не доносится ни единого звука. Чем она там занимается, ума не приложу, - в гостиной, правда, много книг, но ведь не всякая девочка из тех, что первые пятнадцать лет своей жизни были предоставлены сами себе, сможет или захочет их прочесть. Бедняжка! Вид, открывающийся ей из окна, не слишком-то поучителен: если помните, комната эта выходит на обсаженную кустарником лужайку, где, увлекшись беседой с Реджинальдом, часами прогуливается ее матушка. Если у девицы ее возраста такое зрелище не вызывает недоумения, она и в самом деле еще совсем ребенок. Согласитесь, подавать такой пример дочери непрослительно. Между тем Реджинальд по-прежнему считает леди Сьюзен лучшей из матерей, а Фредерику никчемной девчонкой! Он убежден, что у нее не было никаких причин для побега. Быть может, так оно и есть, но коль скоро мисс Саммерс утверждает, что за все время пребывания на Вигмор-стрит мисс Вернон в своенравии или же в дурном поведении ни разу замечена не была, я не могу с легкостью поверить в то, в чем леди Сьюзен убедила брата и стремится убедить меня, а именно, что решение бежать из школы вызвано лишь нежеланием терпеть принуждение и выносить мелочную опеку наставников. О, Реджинальд, где, скажи, независимость твоих суждений?! Он не смеет даже назвать Фредерику красивой и, когда я говорю о ее красоте, отвечает лишь,

что в ее глазах нет блеска.

То он говорит, что девочке не хватает ума, то во всем винит ее характер. Что ж, где обман, там непоследовательность. Леди Сьюзен, дабы оправдать свое собственное поведение, считает необходимым во всем винить Фредерику и, вероятно, иной раз полагает уместным обвинить ее в дурном нраве, а иногда посетовать на отсутствие у нее здравого смысла. А Реджинальд лишь повторяет все это за ее светлостью.

Остаюсь и проч.

Кэтрин Вернон.

Письмо восемнадцатое

Та же - той же

Черчилл

Дорогая матушка,

я очень рада, что Вы с интересом прочли все, что касается Фредерики Вернон; я убеждена, что она заслуживает нашего внимания; когда же я поделюсь с Вами своими свежими впечатлениями, проявленный Вами интерес, уверена, возрастет еще больше. Я стала замечать, что девочка привязывается к моему брату, я часто вижу, как она не сводит с него глаз, в которых читается мечтательное восхищение! Он и в самом деле очень красив, к тому же есть в нем и столь располагающая к себе прямота, которую Фредерика не чувствовать не может. Стоит Реджинальду произнести что-нибудь забавное, как ее задумчивое, серьезное личико озаряется улыбкой; если же разговор заходит на серьезную тему, она - не считите это преувеличением - не пропускает ни единого его слова.

Хорошо бы и он отдавал себе в этом отчет, ведь мы прекрасно знаем, что Реджинальд как никто другой умеет быть благодарным. Если б только чистосердечное чувство Фредерики отвлекло его от ее матери, мы бы благословили тот день, когда девушка впервые появилась в Черчилле! Думаю, дорогая матушка, Вы были бы не против такой невестки. Правда, она еще очень молода, образование у нее никуда не годится, у матери она могла научиться разве что ветрености - и вместе с тем я могу с полным основанием заявить, что она отличается добронравием и недюжинными способностями.

Хотя она и не получила подобающего воспитания, она тем не менее вовсе не так невежественна, как может показаться на первый взгляд: Фредерика любит книги и большую часть дня проводит за чтением. Сейчас ее мать занимается ею еще меньше, чем раньше, и я, пользуясь этим, стараюсь проводить с ней как можно больше времени, преодолеть, хоть это и нелегко, ее робость. Мы подружались, и хотя в присутствии матери Фредерики никогда не раскрывает рта, оставшись наедине со мной, она разговаривает вполне охотно, из чего следует, что, если б леди Сьюзен обращалась с ней должным образом, Фредерика бы от этого только выиграла. Живи она без принуждения - и во всем мире не было бы сердца более отзывчивого и любящего, нрава более покладистого. Ее маленькие кузены и кузины от нее без ума.

Любящая Вас

Кэтрин Вернон.

Письмо девятнадцатое

Леди Сьюзен - миссис Джонсон

Черчилл

Я знаю, Вы хотите поскорей узнать, что же произошло с Фредерикой, и, вероятно, считаете, что я о Вас забыла. В прошлый четверг она приехала в Черчилл со своим дядей, и я, не мешкая, потребовала от нее объяснений; выяснилось, что я была совершенно права, связав попытку бежать из школы с моим письмом. Письмо это так ее напугало, что со свойственными девицам ее возраста своенравием и глупостью она решила выбраться из здания школы, сесть в дилижанс и отправиться к своим друзьям Кларкам; в результате она не дошла и до перекрестка, как ее, по счастью, хватились, поймали и привели обратно.

Таков был первый выдающийся поступок в жизни Фредерики Сюзанны Вернон, и, если учесть, что поступок сей совершен был в нежном шестнадцатилетнем возрасте, у нас есть все

основания строить самые радужные планы относительно ее великого будущего. Тем не менее я пришла в ярость от демонстрации неукоснительных правил приличия, воспрепятствовавших мисс Саммерс оставить девчонку у себя; проявленная ею щепетильность производит впечатление тем более странное, что она не может не знать о семейных связях моей дочери, а стало быть, остается предположить только одно: эта дама боялась, что ей не заплатят. Как бы там ни было, Фредерика вновь сидит у меня на шее - что ж, коль скоро заняться ей нечем, пусть покамест помечтает о сэре Джеймсе. Да, она не на шутку влюблена в Реджинальда де Курси. Ей мало, видите ли, что, послушавшись матери, она отказалась от весьма заманчивого предложения; она хочет вдобавок распорядиться своими чувствами по собственному усмотрению, не заручившись материнским согласием. Не было еще на свете девицы ее возраста, которая бы с большим основанием претендовала на право считаться всеобщим посмешищем. В своих чувствах она столь откровенна и столь трогательно простодушна, что любой мужчина, надо полагать, ее высмеет и выкажет ей пренебрежение.

В любовных делах простодушие - недостаток, и глупа та девица, что простодушна от природы или от чувств. Я пока до конца не уверена, видит ли Реджинальд, что с ней творится, а впрочем, большого значения это не имеет: сейчас он относится к ней с безразличием, когда же поймет, что она в него влюблена, отнесется с презрением, только и всего. У Вернонов ее красота вызывает восхищение, на него же никакого действия не оказывает. В особой чести Фредерика у своей тетки - оттого, вероятно, что она так мало похожа на меня. Для миссис Вернон она отличная компаньонка, та ведь любит во всем быть первой, в любой беседе прослыть самой дальновидной и остроумной, а затмить ее Фредерика неспособна. Когда она приехала, я старалась помешать ее частым встречам с миссис Вернон, но потом успокоилась, понадеявшись, что Фредерика будет соблюдать те правила, которые я установила для их бесед.

Не подумайте только, что я, расслабившись, хоть на минуту забыла о своем намерении выдать ее замуж. Нет, я думаю об этом постоянно, хотя и не решила еще, как именно буду действовать. Устраивать все здесь, под пристальным оком четы Вернонов, мне бы не хотелось - в Лондон же пока я поехать не могу. А раз так, придется мисс Фредерике немного подождать.

Всегда Ваша

С. Вернон.

Письмо двадцатое

Миссис Вернон - леди де Курси

Черчилл

Вчера, дорогая матушка, к нам пожаловал нежданный гость. Я сидела с детьми, когда они обедали, и вдруг услышала шум экипажа. Я вышла из комнаты и, спускаясь по лестнице, столкнулась с Фредерикой, которая стремглав взбежала по ступенькам и скрылась у себя. Я, не раздумывая, последовала за ней спросить, что произошло. "Боже! - вскричала она. - Он приехал! Сэр Джеймс приехал! Что мне теперь делать?!" Я ничего не поняла и попросила ее объясниться. В этот момент в дверь постучали, это был Реджинальд, леди Сьюзен велела ему позвать Фредерику. "Это мистер де Курси, - сказала она, густо покраснев. - Мама послала его за мной, мне надо идти".

Мы спустились вниз, и я обратила внимание, с каким удивлением мой брат разглядывает перепуганное личико Фредерики. В столовой мы обнаружили леди Сьюзен и молодого человека благородной наружности, сэра Джеймса Мартина, того самого джентльмена, из-за которого, если помните, ее светлость соперничала с мисс Мэнверинг. Сей подвиг, впрочем, совершен был, как видно, не ради нее самой, его плодами должна была воспользоваться в дальнейшем ее дочь - сэр Джеймс по уши влюблен в Фредерику, и ее мать это увлечение всячески поощряет. Бедной же девочке он явно не нравится, и хотя внешность и поведение его безупречны, и мне, и мистеру Вернону он показался не слишком умным.

Фредерика была так смущена и испугана, что я ее искренне пожалела. Что же до леди

Сьюзен, то к гостю она отнеслась со вниманием, однако особого удовольствия от встречи с ним, по-моему, не испытала. Сэр Джеймс не закрывал рта, многократно приносил мне свои извинения за то, что взял на себя смелость приехать в Черчилл, и смеялся куда больше, чем следовало; одно и то же он говорил по многу раз и трижды повторил, что видел миссис Джонсон несколько дней назад. Обращался он иногда и к Фредерике, однако куда чаще к ее матери. Бедняжка не смела раскрыть рта, сидела опустив глаза, то бледнея, то краснея, Реджинальд же наблюдал за всем, что происходило, в полном молчании.

По-видимому, в конце концов леди Сьюзен это надоело, она предложила пройтись, и мы, оставив мужчин одних, отправились за шалами.

Когда мы поднялись наверх, леди Сьюзен попросила меня уделить ей несколько минут, сказав, что хотела бы поговорить со мной без свидетелей. Мы прошли в мою комнату, и, как только дверь за нами закрылась, она произнесла следующий монолог. "Поверьте, - сказала она, - сегодняшний приезд сэра Джеймса явился для меня полнейшей неожиданностью. Вам, дорогая сестра, этот визит причинил неудобства, мне же как матери он весьма лестен. Сэр Джеймс так привязан к моей дочери, что он не мог более жить, не повидав ее. Молодой человек приятной наружности и безупречной репутации, он, быть может, пока излишне многоречив, однако через год-другой наверняка остепенится, в остальном же он настолько подходит Фредерике, что его нежные чувства доставляют мне огромную радость, и хочется верить, что и вы, и мой брат отнесетесь к этому союзу столь же благосклонно. Прежде я об этих намерениях не упоминала, полагая, что, покуда Фредерика учится в школе, лучше об этом не говорить; теперь же, придя к убеждению, что Фредерика уже не в том возрасте, чтобы помещать ее в пансион, и что брак ее с сэром Джеймсом не за горами, я собиралась в ближайшие дни сообщить вам и мистеру Вернону о своих планах. Надеюсь, дорогая сестра, вы поймете, чем было вызвано мое молчание, а также согласитесь, что подобные обстоятельства слишком волнительны, чтобы долго хранить их в секрете. Когда и вы будете выдавать вашу прелестную крошку Кэтрин замуж за человека, во всех отношениях столь же безупречного, вы поймете, что я сейчас чувствую, хотя, по счастью, у вас едва ли будут основания радоваться так же, как радуюсь сегодня я: Кэтрин, слава богу, хорошо обеспечена, и для нее, в отличие от моей Фредерики, не будет необходимости искать выгодного жениха".

Закончила же она тем, что потребовала от меня поздравлений, каковые, боюсь, прозвучали не слишком убедительно, ибо, находясь под впечатлением от ее неожиданных признаний, да еще на столь волнующую тему, говорила я, вероятно, излишне сбивчиво. Тем не менее она принялась горячо благодарить меня за проявленную заботу по отношению к ней и к ее дочери, а затем сказала:

"Я не сильна в душевных заверениях, моя дорогая миссис Вернон, и никогда не отличалась даром выражения чувств, мне чуждых, а потому, надеюсь, вы поверите, если я скажу вам, что, какие бы похвалы ни слышала я в ваш адрес до нашего знакомства, я и представить себе не могла, что когда-нибудь полюблю вас так, как люблю сейчас. Должна также сказать вам: я тем более дорожу вашей дружбой, что у меня есть некоторые основания полагать, будто в свое время предпринимались попытки восстановить вас против меня. Мне бы только хотелось, чтобы все те, кому я обязана столь благородными намерениями, видели, в каких отношениях мы сейчас находимся, сколь теплые чувства питаем друг к другу! Но не буду долее вас задерживать. Да благословит вас Бог за вашу доброту ко мне и моей девочке! Будьте и впредь счастливы!"

Что можно сказать о такой женщине, дорогая матушка? Казалось бы, столь неподдельные чувства, столь возвышенные слова! И тем не менее искренность всего ею сказанного вызывает у меня серьезные сомнения.

Что до Реджинальда, то он, похоже, теряется в догадках. Появление в нашем доме сэра Джеймса совершенно сбило его с толку. Глупость молодого человека, смущение Фредерики повергли его в смятение, и хотя короткая беседа с леди Сьюзен свое действие возымела, он, сдается мне, все же раздосадован тем, что она всячески поощряет интерес такого человека к ее дочери.

Сэр Джеймс довольно бесцеремонно напросился остаться у нас на несколько дней, выразив при этом надежду, что мы не сочтем это желание неуместным - он и сам сознает, сколь вызывающим может показаться его поведение: повел он себя как близкий родственник, каковым, впрочем, добавил он смеясь, он действительно может со временем стать. Даже леди Сьюзен была несколько смущена подобной развязностью - в душе она наверняка хочет, чтобы он поскорей убрался восвояси!

Если только я и ее дядя не ошибаемся в чувствах бедной крошки, мы должны ей каким-то образом помочь. Она не может быть принесена в жертву амбициям и холодному расчету, нельзя даже допустить, чтобы она испытывала по этому поводу страх. Девушка, отдавшая свое сердце Реджинальду де Курси - пусть он к ней и равнодушен, - заслуживает лучшей участи, чем стать женой сэра Джеймса Мартина. Как только мне удастся переговорить с ней с глазу на глаз, я узнаю истинное положение дел, однако, по-моему, она меня избегает. Надеюсь, здесь нет злого умысла и не окажется, что я была о ней слишком хорошего мнения. Во всяком случае, поведение Фредерики в обществе сэра Джеймса свидетельствует о ее величайшем смущении и застенчивости, но никак не о поощрении его чувств.

Прощайте, дорогая матушка

Ваша и проч.

Кэтрин Вернон.

Письмо двадцать первое

Мисс Вернон - мистеру де Курси

Сэр,

надеюсь, Вы простите мне эту вольность: не окажись я в столь сложном положении, я бы ни за что не посмела вас тревожить. Сэр Джеймс Мартин - мое несчастье, и у меня нет иного способа облегчить свое положение, кроме как написать Вам - говорить на эту тему с дядей и тетей мне запрещено. А поскольку дело обстоит именно так, боюсь, что мое обращение к Вам Вы воспримете не более как уловку, будто я следую лишь букве, а не духу матушкиных распоряжений. Но если Вы не возьмете мою сторону и не уговорите ее отступить, я сойду с ума, ибо переносить сэра Джеймса я не в состоянии. Вы единственный на свете человек, кого она может послушаться. А потому, если Вы за меня вступитесь и уговорите ее отослать сэра Джеймса прочь, я буду Вам обязана больше, чем можно выразить словами. Мне он не нравился с самого начала; уверяю Вас, сэр, с моей стороны это вовсе не внезапная причуда, я всегда считала его глупым, наглым и несносным, - здесь же он ведет себя хуже, чем когда-либо. Я готова зарабатывать на жизнь тяжким трудом, лишь бы только не выходить за него замуж. Я знаю, мне нет прощения за то, что я написала это письмо, знаю, что с моей стороны это было неслыханной дерзостью, я сознаю, какой гнев оно вызовет у матушки, но иного выхода у меня не было. Остаюсь, сэр, Вашей покорной слугою,

Ф. С. В.

Письмо двадцать второе

Леди Сьюзен - миссис Джонсон

Черчилл

Нет, это непереносимо! Никогда еще, мой бесценный друг, не пребывала я в таком бешенстве и должна излить Вам душу, ибо знаю наверное, что Вы меня поймете как никто другой. Угадайте, кто приехал сюда во вторник? Сэр Джеймс Мартин собственной персоной! Можете себе представить мое изумление и раздражение - Вам-то хорошо известно, что его появление в Черчилле никогда в мои планы не входило. Как жаль, что Вы не знали о его намерениях. Мало того, что он заявился без предупреждения, - он еще вдобавок попросил разрешения остаться на несколько дней. Я готова была его убить; впрочем, воспользовавшись сложившейся ситуацией, я обо всем рассказала миссис Вернон, которая, какими бы ни были ее истинные чувства, ни словом мне не противоречила. С Фредерики я взяла слово, что она будет с сэром Джеймсом вежлива, и дала ей понять, что вопрос о ее

браке с ним решен окончательно и бесповоротно. В ответ она пролепетала что-то о том, сколь безотрадной будет ее жизнь. Еще больше утвердилась я в целесообразности этого союза, наблюдая за тем, как Фредерика увлечена Реджинальдом, и боясь, как бы подобное увлечение не сделалось взаимным. Как бы я ни презирала родившуюся из сострадания любовь, я вовсе не убеждена, что такое развитие событий невозможно. Правда, Реджинальд ничуть ко мне не переменялся, однако в последнее время он часто упоминает Фредерику совершенно неожиданно и безо всякой нужды, а однажды даже высказал в ее адрес нечто весьма лестное.

Появление моего гостя было воспринято им с нескрываемым изумлением, и поначалу он наблюдал за сэром Джеймсом с вниманием, смешанным, к моему удовольствию, с ревностью, однако помучить его по-настоящему мне, увы, не пришлось, поскольку сэр Джеймс, хоть и был со мной мил до чрезвычайности, очень скоро дал всем понять, что сердце его отдано моей дочери.

Мне не составило труда убедить де Курси, оставшись с ним наедине, что меня этот союз при всех его недостатках совершенно устраивает, и таким образом все уладилось. Разумеется, они не могли не заметить, что сэр Джеймс не семи пядей во лбу, но я настрого запретила Фредерике жаловаться Чарльзу Вернону и его жене, чем лишила их возможности вмешиваться, хотя не сомневаюсь, что моя наглая невестка использовала бы для этого любой предлог.

Тем не менее все шло тихо и спокойно, и хоть я и считала часы, когда же сэр Джеймс наконец нас покинет, такое положение дел меня вполне устраивало. Вообразите же, каковы были мои чувства, когда внезапно все мои планы рухнули! И разрушил их тот, от кого я меньше всего этого ожидала. Сегодня утром ко мне в комнату входит Реджинальд и после короткого предисловия с важным видом принимается пространно убеждать меня в том, сколь ошибочно и неблагородно я поступаю, позволяя сэру Джеймсу Мартину свататься к моей дочери вопреки ее желанию. Признаться, я была потрясена. Когда же я поняла, что настроен он более чем серьезно, то потребовала от него объяснений, пожелав узнать, что побудило его завести со мной этот разговор и кто его уполномочил мне выговаривать. И тогда он сообщил, не скупясь на неуместные выражения нежных чувств, каковые я выслушала с полнейшим безразличием, что моя дочь познакомила его с некоторыми обстоятельствами, касающимися ее самой, сэра Джеймса и меня, чем крайне его встревожила.

Короче говоря, выяснилось, что она ему написала, попросив вмешаться, и что он, получив от нее письмо, побеседовал с ней, дабы вникнуть во все подробности дела и удостовериться в ее истинных намерениях.

У меня нет никаких сомнений в том, что девчонка воспользовалась этой возможностью, чтобы признаться ему в любви; в этом меня убеждает и то, как он о ней говорил. Что ж, он заслужил эту любовь! Мужчина, потворствующий страсти, которую сам он никогда не стремился разжечь и признания в которой никогда не добивался, ничего кроме презрения не вызывает. Мне ненавистны они оба. Он - за то, что ко мне равнодушен, в противном случае он не стал бы ее слушать; она, эта строптивая маленькая смутьянка, - за то, что ищет защиты у молодого человека, с которым едва успела перемолвиться словом. Мне одинаково претят и ее бесстыдство и его легковерие. Как посмел он поверить всему тому, что она говорила мне в осуждение?! Как мог усомниться в том, что у меня имелись самые веские причины поступить именно так, а не иначе?! Где была его убежденность в моей мудрости и добродетели? Где было подсказанное истинным чувством негодование против существа, меня порочащего? И кого?! Ничтожества, девчонки, у которой нет ни талантов, ни образования и которую сам он всегда готов был презирать!

Некоторое время я не выдавала своего раздражения, однако даже самая большая выдержка не беспредельна и в дальнейшем я дала Реджинальду почувствовать мое неудовольствие. Он старался, старался изо всех сил заставить меня смягчиться, но глупа та женщина, что оскорблена и, однако же, поддается на комплименты. В конце концов он ушел

рассерженный не меньше, а даже больше моего. Я была совершенно спокойна, он же преисполнен ярости и возмущения. Надо полагать, его гнев в самом скором времени уляжется и, может, исчезнет вовсе, мой же будет неукротим и впредь.

Сейчас он заперся в своих покоях, куда, выйдя от меня, тотчас же направился. Могу вообразить, в какие грустные размышления он погружен! А впрочем, человеческие чувства ведь неисповедимы. Я еще недостаточно успокоилась, чтобы повидать Фредерику. События сегодняшнего дня она забудет нескоро. Она убедится, что напрасно изливала свою израненную любовью душу, что в результате стала всеобщим посмешищем, вызвав крайнее возмущение своей оскорбленной матери.

Преданная Вам

С. Вернон

Письмо двадцать третье

Миссис Вернон - леди де Курси

Черчилл

Позвольте мне от души поздравить Вас, дорогая матушка: история, которая причинила нам столько огорчений, близится к счастливому концу. Наши надежды на успех весьма радужны, и поскольку все должно завершиться самым благополучным образом, мне искренне жаль, что я делилась с Вами своими опасениями: радость от миновавшей опасности едва ли искупает тяжкие переживания.

Я пребываю в столь возбужденном состоянии, что с трудом держу в руке перо, однако исполнена решимости послать Вам с оказией несколько строк, дабы объяснить то, что, вне всяких сомнений, несказанно Вас удивит, а именно, что Реджинальд возвращается в Парклендс.

Полчаса назад я сидела в гостиной с сэром Джеймсом, как вдруг меня вызывает мой брат. Я сразу поняла: что-то произошло - он покраснелся, голос у него дрожал. Вы же знаете, матушка, как легко он возбуждается, если происходит что-то для него важное.

"Кэтрин, - сказал он, - я сегодня же возвращаюсь домой. Прости, что уезжаю, но мне пора - давно не видел родителей. Отправляю вперед Джеймса с моими лошадьми, можешь поэтому, если есть письма, передать с ним. Сам же я окажусь дома не раньше среды или четверга, так как должен еще заехать по делам в Лондон. Но прежде чем покинуть Черчилл, - тут он понизил голос и заговорил с еще большим чувством, - я должен тебя кое о чем попросить. Воспрепятствуй тому, чтобы Фредерика Вернон была несчастна с этим Мартином. Он хочет жениться на ней, ее мать всячески этому способствует, она же об этом браке и помыслить не может. Уверяю тебя, я знаю, что говорю. Знаю, что Фредерика ждет не дождется, когда сэр Джеймс отсюда уедет. Она славная девочка и заслуживает лучшей участи. Немедленно с ним распрощись. Сам-то он обыкновенный болван, но каковы планы ее матери, дано знать только небесам. Прощай, - добавил он, крепко пожимая мне руку, - не знаю, когда теперь увидимся. Но помни, что я сказал тебе про Фредерику. Ты обязана позаботиться о том, чтобы с ней поступили по справедливости. Она прелестна и очень умна, гораздо умнее, чем мы думали".

С этими словами он повернулся и побежал наверх. Остановить его я даже не пыталась, ибо понимала, какие чувства им владеют; что же до тех чувств, какие испытывала, слушая его рассказ, я, то передать их невозможно. С минуту я, ошеломленная и удивленная - радостно удивленная, - неподвижно стояла на месте; впрочем, чтобы испытать истинную радость от происшедшего, надо было успокоиться и все взвесить.

Спустя десять минут в гостиную вошла леди Сьюзен. Естественно, я полагала, что они с Реджинальдом поссорились, и взглянула на нее с тревожным любопытством, пытаюсь отыскать на ее лице подтверждение своей догадки. Однако вид у этой непревзойденной обманщицы был совершенно невозмутимый. Поговорив со мной на какие-то несущественные темы, она словно невзначай обронила: "Я узнала от Уилсона, что мистер де Курси с нами расстается. Он и в самом деле сегодня покидает Черчилл?" Я ответила утвердительно. "Странно, еще вчера вечером он об этом и словом не обмолвился, - заметила

она, смеясь. - Да и сегодня утром за завтраком тоже. Возможно, он и сам об этом еще ничего не знал. Молодые люди ведь часто принимают скоропалительные решения, которым, впрочем, далеко не всегда следуют. Не удивлюсь, если в последнюю минуту он передумает и никуда не поедет".

Вскоре после этого она вышла из комнаты. Хочется надеяться, дорогая матушка, что у нас нет оснований бояться, что Реджинальд и в самом деле передумает - история зашла слишком далеко. Вероятно, они действительно поссорились, и, скорее всего, из-за Фредерики. Невозмутимость леди Сьюзен меня поражает. Представляю, какую радость Вы испытаете, вновь увидев своего сына по-прежнему достойным Вашей любви, по-прежнему способным доставлять своим родителям счастье!

Надеюсь, что в своем следующем письме я буду иметь возможность сообщить Вам, что сэр Джеймс уехал, леди Сьюзен потерпела поражение и у Фредерики спокойно на душе. Конечно, еще очень многое предстоит сделать, но все непременно устроится. Очень хочется поскорей узнать, чем все же вызван его внезапный отъезд. Кончаю тем же, с чего начала, - искренними поздравлениями.

Всегда Ваша

Кэтрин Вернон

Письмо двадцать четвертое

Та же - той же

Черчилл

Могла ли я предположить, дорогая матушка, когда отсылала Вам свое последнее письмо, что ликование мое окажется столь скоротечным? Очень сожалею, что вообще Вам написала. Но кто мог заранее знать, что случится? Надежда, еще два часа назад меня окрылявшая, теперь исчезла. Леди Сьюзен и Реджинальд помирились, и все пошло по-старому. Правда, сэр Джеймс Мартин, по счастью, отбыл. На что же нам теперь уповать? Я и в самом деле очень разочарована. Ведь Реджинальд чуть было не уехал - лошади уже были заложены и только что не стояли у дверей! Еще мгновение - и мы были бы спасены!

В течение получаса я с минуты на минуту ждала его отъезда. Отослав Вам письмо, я пошла в кабинет к мистеру Вернону, где провела некоторое время, обсуждая случившееся. Затем я решила поискать Фредерику, которую после завтрака не видела. Я нашла ее на лестнице и обнаружила, что девочка плачет.

"Дорогая тетушка, - воскликнула она, - он уезжает, мистер де Курси уезжает, и это моя вина. Боюсь, что вы рассердитесь, но, честное слово, я даже представить себе не могла, что так получится!"

"Не стоит передо мной извиняться, душенька, - возразила я. - Я была бы благодарна каждому, кто способствовал возвращению брата домой. Дело в том, нашлась я, - что его отец хочет поскорей с ним повидаться. Но скажи мне, какое отношение к его отъезду имеешь ты?"

"Я была так несчастна из-за сэра Джеймса, - сказала Фредерика, густо покраснев, - что с собой не справилась... Я знаю, я поступила очень дурно... но вы не представляете, как мне было тяжело... а мама велела ни под каким видом не говорить об этом с вами или с дядей... и ...". - "И поэтому ты обратилась к моему брату, попросив вмешаться его" , - перебила я, чтобы избавить ее от мучительных объяснений. "Нет, я ему написала. В самом деле. Сегодня утром я встала затемно... и два часа сочиняла письмо... когда же оно было написано, я никак не могла набраться смелости вручить его. Однако после завтрака, когда я шла к себе, мистер де Курси повстречался мне в коридоре, и, решив, что если я не передам письмо сейчас, то уже не передам никогда, я себя пересилила... Он был так добр, что сразу же его взял... я же, не посмеяв даже взглянуть на него, тотчас убежала. Меня охватил безумный страх. Вы не представляете, дорогая тетушка, как я была несчастна..."

"Фредерика, - сказала я, - обо всех своих несчастьях тебе следовало рассказать мне. Во мне ты нашла бы друга, всегда готового прийти тебе на помощь. Неужели ты думаешь, что твой дядя и я не оказали бы тебе столь же решительную поддержку, как и мой брат?"

"Разумеется, я не сомневалась в вашей доброте, - сказала она, и ее личико вновь

залилось краской стыда, - но я подумала, что именно мистер де Курси сумеет уговорить маму. Однако я ошиблась, они повздорили, и вот теперь он уезжает. Мама никогда мне этого не простит, и мне будет еще хуже, чем раньше".

"Нет, - возразила я, - не будет. В подобных случаях тебе следует обращаться ко мне вопреки запретам твоей матери. Она не имеет никакого права обижать тебя, и я этого не допущу. От того же, что ты обратилась к Реджинальду, выиграли все. Все к лучшему. Даю тебе слово, больше мы тебя в обиду не дадим".

Каково же было мое изумление, когда в эту самую минуту я увидела Реджинальда, выходящего из комнаты леди Сьюзен. Меня сразу же охватило дурное предчувствие. Вид у него был явно смущенный. Фредерика мгновенно исчезла. "Ты едешь? - спросила я. - Мистер Вернон у себя".

"Нет, Кэтрин, - ответил он, - я передумал. Не уделишь ли мне несколько минут?"

Мы пошли в мою комнату. "Я осознал, - продолжал он, волнуясь с каждым словом все больше, - что действовал с присущей мне поспешностью. Я совершенно не понял леди Сьюзен и, неверно истолковав ее поведение, готов был покинуть твой дом. Произошла очень серьезная ошибка - полагаю, ошибались мы все. Фредерика не знает своей матери - леди Сьюзен желает ей добра, Фредерика же не хочет ей довериться. Вот почему леди Сьюзен не всегда может понять, что на пользу ее дочери, а что нет. К тому же я не имел никакого права вмешиваться мисс Вернон не следовало ко мне обращаться. Короче говоря, Кэтрин, все сложилось крайне неудачно, однако сейчас счастливо разрешилось. Леди Сьюзен, насколько я понимаю, хотела бы, если ты не занята, переговорить с тобой о случившемся". - "Конечно", - сказала я, тяжело вздыхая; его рассказ показался мне малоубедительным. Я, однако, никаких замечаний себе не позволила, мне не хотелось тратить слова попусту. Реджинальд был рад, что может ретироваться, я же отправилась к леди Сьюзен - что-то скажет она?

"Помните, я вам говорила, - начала она с улыбкой, - что ваш брат нас не покинет?"

"Да, - сухо отвечала я, - однако я льстила себя надеждой, что вы ошибаетесь".

"Я бы не посмела высказать это предположение, - продолжала она, - если бы в ту минуту мне не пришло в голову, что его решение нас покинуть явилось следствием разговора, который состоялся у нас сегодня утром и результатом которого он был весьма недоволен, ибо между нами возникло недоразумение. Стоило мне прийти к этой мысли, как я немедленно сочла, что из-за этой размолвки, в которой, вероятно, я виновата не меньше, чем он, вы не должны лишаться общества вашего брата. Если помните, я почти сразу же вышла из комнаты с намерением немедленно исправить положение - насколько это возможно, разумеется. Вот как обстояло дело. Фредерика наотрез отказалась выходить замуж за сэра Джеймса".

"И вашу светлость это удивляет?! - с горячностью вскричала я. - Фредерика - девочка необыкновенно умная, чего про сэра Джеймса никак не скажешь".

"Меня ее отказ ничуть не смущает, - возразила она. - Напротив, радуется, так как это лишь свидетельствует об уме моей дочери. Сэр Джеймс, спору нет, не Соломон (из-за своих мальчишеских манер он кажется глупей, чем есть на самом деле), и, обладай Фредерика проницательностью и способностями, которые я хотела бы видеть у своей дочери, или хотя бы имея подозрение, что она совсем не глупа, - я бы не стремилась так к этому союзу".

"Странно, что только вы одна пребываете в неведении относительно ума вашей дочери", - сказала я.

"Фредерика никогда не умела показать товар лицом, - продолжала леди Сьюзен. - Она стеснительна и ребячлива. Кроме того, она меня боится. Пока был жив ее бедный отец, она росла избалованным ребенком, однако из-за строгости, в которой я была вынуждена в дальнейшем ее держать, ее привязанность ко мне притупилась; к тому же в ней нет той энергии, того блеска, которые сразу же бросаются в глаза".

"Скажите лучше, ей не довелось получить хорошего образования".

"Клянусь Богом, любезная миссис Вернон, что я в полной мере отдаю себе в этом отчет; вместе с тем мне хотелось бы забыть все то, что бросает тень на человека, память о

котором для меня священна".

Тут она притворилась, что вот-вот расплачется. Я почувствовала, что начинаю терять терпение.

"А что ваша светлость имели сообщить мне о размолвке с моим братом?" поинтересовалась я.

"Размолвка вышла из-за поступка моей дочери, в равной мере свидетельствующего о ее безрассудстве и о том страхе, который она, как я уже говорила, к несчастью, ко мне испытывает. Она написала мистеру де Курси письмо".

"Мне это известно. Вы же запретили ей говорить с мистером Верноном или со мной о причине своего горя, вот ей ничего и не оставалось, как обратиться к моему брату!"

"Боже милостивый! - вскричала она. - Как же дурно вы обо мне думаете! Неужто вы полагаете, что я подозревала, насколько она несчастна? Что я задалась целью обречь на страдания собственную дочь? И запретила ей говорить с вами на эту тему из страха, что вы воспрепятствуете моим дьявольским козням? Неужто вы думаете, что я совершенно бесчувственна? И способна принести несчастье той, способствовать чьему благополучию - мой первейший долг?! Как могли вы подумать такое?"

"И все же чем вы руководствовались, приказав ей молчать?"

"А какой, дорогая сестра, был прок обращаться к вам? Ведь в этом случае я вынуждала вас выслушивать мольбы, которые сама выслушивать отказывалась. Это было бы нежелательным и для вас, и для нее, да и для меня самой тоже. Ведь коль скоро я приняла решение, вмешательства со стороны, пусть и самого дружеского, я допустить не могла. Да, я ошиблась, это правда, но тогда мне казалось, что я поступаю правильно".

"В чем же состояла ошибка, на которую ваша светлость так часто ссылается? Как могло возникнуть у вас столь превратное представление о чувствах вашей дочери? Разве вы не догадывались, что сэр Джеймс Фредерике неприятен?"

"Я понимала, что это не совсем тот человек, которого бы она сама выбрала. Но мне казалось, что ее неприязнь вызвана вовсе не его скудоумием. А впрочем, дорогая сестра, лучше не спрашивайте меня столь подробно об этом, продолжала она, в порыве искреннего чувства стиснув мне руку. - Тут, честно вам признаюсь, есть что скрывать. Фредерика ужасно меня огорчает. Особенно тем, что обратилась к мистеру де Курси".

"Не вижу здесь ничего особенного, - возразила я. - Если ваша дочь привязана к Реджинальду, неприязнь, которую она питает к сэру Джеймсу, понятна не меньше, чем если бы источником этой неприязни была его глупость. При этом мне все равно непонятно, с какой стати было вашей светлости ссориться с моим братом из-за того, что он вмешался в это дело. Вы же понимаете, не в его натуре отказать, раз его так об этом просят".

"Человек горячий, он в запальчивости пришел упрекать меня за то, как я обошлась с несчастной девочкой, с этой страдальницей. Он целиком встал на ее сторону, и между нами возникло недоразумение. Он преувеличил мою вину, я же сочла его вмешательство менее простительным, чем нахожу сейчас. Я очень высокого о нем мнения и была крайне удручена, когда обнаружила, что он моим к нему отношением пренебрег. Мы оба погорячились и, конечно же, оба виноваты. Решение покинуть Черчилл он так же принял сгоряча; когда же я поняла, что у него на уме, и в то же время задумалась над тем, что мы, быть может, неправильно поняли друг друга, я решила, пока не поздно, с ним объясниться. Я питаю теплые чувства ко всем членам вашей семьи, и, должна признаться, меня бы очень огорчило, если бы мое знакомство с мистером де Курси закончилось столь печально. Смею вас уверить: теперь, когда я убедилась, что у Фредерики были основания испытывать к сэру Джеймсу неприязнь, я немедленно сообщу ему, чтобы он оставил всякую надежду на брак с нею. Я ругаю себя за то, что, сама того не сознавая, так ее этим мучила. Она будет вознаграждена за свои страдания, и если она ценит свое собственное счастье не меньше, чем ценю его я, если будет придерживаться здравых суждений и вести себя как подобает, ей не о чем беспокоиться. Простите же меня, дорогая сестра, за то, что отняла у вас столько времени, но я должна была выговориться; надеюсь, после этого объяснения я не упаду в

ваших глазах".

Мне хотелось крикнуть: "Да уж больше некуда!", но, с трудом сдержавшись, я покинула ее, не сказав и двух слов. Мои нервы были напряжены до крайности. Начни я говорить, я бы не смогла остановиться. Ее самоуверенность, ее лицемерие... но не будем об этом - боюсь, Вы примете мои слова слишком близко к сердцу. У меня, во всяком случае, сердце сжимается, когда я пишу эти строки.

Немного придя в себя, я вернулась в гостиную. Экипаж сэра Джеймса уже стоял у дверей, и он, веселый и беззаботный, как всегда, вскоре отбыл. Ее светлости ничего не стоит сначала обнадежить влюбленного, а затем прогнать его!

Несмотря на обретенную свободу, Фредерика по-прежнему печальна: возможно, она все еще страшится материнского гнева и, не желая отъезда моего брата, испытывает ревность при мысли, что он остается. Я вижу, как внимательно следит она за ним и за леди Сьюзен. Бедняжка, теперь-то ей не на что надеяться, ее чувство останется без взаимности! Правда, сейчас он относится к ней иначе, он отдает ей должное, однако его примирение с леди Сьюзен лишает ее всяких надежд на большее.

Итак, дорогая матушка, готовьтесь к худшему. Вероятность их брака несомненно возросла. Теперь он у нее в руках. Когда же это грустное событие произойдет, забота о Фредерике целиком ляжет на наши плечи.

Хорошо, что разница во времени между предыдущим письмом и этим невелика, ибо чем меньше будет длиться Ваша радость от первого письма, тем меньшее разочарование Вы испытаете от второго.

Всегда Ваша

Кэтрин Вернон.

Письмо двадцать пятое

Леди Сьюзен - миссис Джонсон

Черчилл

Поздравьте меня, дорогая Алисия. Я вновь весела, я вновь торжествую победу. Когда я писала Вам несколько дней назад, я пребывала в большом раздражении - и не случайно. Не знаю, впрочем, имею ли я право почивать на лаврах - на восстановление мира у меня ушло куда больше сил, чем я могла предположить. У Реджинальда оказался гордый и крутой нрав: этот дерзкий мальчишка возомнил себя борцом за высшую справедливость! Я ему еще это припомню. Представьте, он чуть было не покинул Черчилл! Об этом, когда я дописывала Вам свое последнее письмо, мне сообщил Уилсон. Я поняла, что надо действовать: не могла же я допустить, чтобы мужчина, преисполненный праведного негодования, указывал мне на мои недостатки. Репутация моя пострадала бы, позволь я ему уехать настроенным против меня, - учитывая это, я была вынуждена отступить.

Я отправила к нему Уилсона сказать, что мне бы хотелось, прежде чем он уедет, с ним переговорить. Он явился незамедлительно. Вид у него был не столь рассерженный, как после нашей последней беседы. Он был, казалось, искренне удивлен, что я его вызвала, и выражение его лица было такое, словно он одновременно испытывает, и желание и страх пойти мне навстречу.

Если мое выражение лица соответствовало поставленной цели, то оно было сдержанным и достойным - и в то же время задумчивым: пусть знает, что меня что-то гнетет. "Прошу прощения, сэр, что позволила себе послать за вами, начала я, - но, узнав о вашем намерении сегодня же покинуть этот дом, я сочла своим долгом просить вас ни в коем случае не сокращать из-за меня свое пребывание здесь. Я прекрасно понимаю: после того что между нами произошло, нам не пристало дольше оставаться под одной крышей. Столь решительная и бесповоротная перемена в наших еще совсем недавно доверительных, дружеских отношениях непременно превратит всякое дальнейшее общение в тяжкую пытку, и ваше решение покинуть Черчилл в полной мере соответствует как возникшей ситуации, так и сильным чувствам, столь вам свойственным. Вместе с тем я не могу допустить, чтобы из-за меня вы жертвовали собой и расстались с родственниками, к которым так привязаны и

которыми так любимы. Мое пребывание здесь не может доставить мистеру и миссис Вернон того удовольствия, какое доставляет ваше общество, вдобавок визит мой и без того затянулся. Поэтому мой отъезд, который в любом случае не заставил бы себя долго ждать, можно с легкостью ускорить, тем более что мне, поверьте, очень бы не хотелось способствовать разладу в столь дружной и любящей семье. Куда поеду я, безразлично всем остальным и несущественно для меня самой, вы же одинаково значимы для всех ваших близких". Этими словами я завершила свою речь, которая, смею надеяться, вам понравится.

Воздействие этого монолога на Реджинальда оправдало мои ожидания: оно было столь же благоприятным, сколь и незамедлительным. О, с каким восторгом наблюдала я за тем, как меняется выражение его лица, какая отчаянная борьба происходит между возвращающейся нежностью и остатками недовольства. Хорошо иметь дело с человеком, обладающим столь переменчивыми чувствами; нет, я вовсе ему не завидую, я ни за что не согласилась бы обладать ими сама, но подобная восприимчивость очень удобна, когда хочешь играть страстями другого. А ведь тот самый Реджинальд, который сразу же, стоило произнести всего несколько слов, мне полностью покорился, сделавшись еще более послушным, сговорчивым, преданным, чем прежде, мог бы, преисполненный гнева и гордыни, не пожелав даже выслушать мои объяснения, уйти, хлопнув дверью!

Хоть он и посрамлен, я не могу простить ему его гордыни; быть может, мне следовало бы наказать его, расставшись с ним сразу после нашего примирения, либо женив его на себе и терзая всю оставшуюся жизнь. Впрочем, подобные меры слишком жестоки и требуют длительных раздумий. В настоящее же время мысли мои заняты другим. Сделать мне предстоит немало. Я должна наказать Фредерику, причем наказать примерно, за ее обращение к Реджинальду; я должна наказать Реджинальда за то, что на ее просьбу он откликнулся с такой горячностью, да и за все остальное тоже. Я должна досадить своей невестке, всем своим видом и поведением торжествующей победу после отъезда сэра Джеймса, - этим злополучным дурнем я вынуждена была пожертвовать, дабы вернуть себе Реджинальда - и наконец, я должна расквитаться за все то унижение, какое испытала в эти дни. На этот счет у меня есть различные соображения. Кроме того, каковы бы ни были мои дальнейшие планы, я намереваюсь в самом скором времени оказаться в Лондоне, ведь это самое благоприятное поле деятельности, чем бы я ни занималась. В любом случае Ваше общество и столичные развлечения вознаградят меня за муки, что уже больше двух месяцев я вынуждена терпеть в Черчилле.

Не в моем характере, раз уж я задалась этой целью, отказаться от мысли выдать дочь замуж за сэра Джеймса. Хотелось бы услышать Ваше мнение по этому поводу. Вы ведь знаете, уступчивость и сговорчивость, так ценимые многими, не те черты, какими я бы хотела обладать, да и причудам Фредерики, которые идут вразрез с мнением ее матери, равно как и ее праздному увлечению Реджинальдом, потворствовать не следует. Мой долг - развеять весь этот романтический вздор, а потому, принимая во внимание все вышесказанное, мне надлежит доставить ее в Лондон и незамедлительно выдать замуж за сэра Джеймса.

Когда же я настою на своем, можно будет гордиться хорошими отношениями с Реджинальдом. В настоящий же момент гордиться решительно нечем: хоть он по-прежнему в моей власти, я уступила в вопросе, из-за которого и вышла наша размолвка, а потому, даже если я и одержала победу, победа эта весьма сомнительна.

Сообщите мне Ваше мнение обо всем этом, моя дорогая Алисия, и дайте мне знать, можете ли Вы снять мне сносное жилье неподалеку от Вас.

Преданная Вам

С. Вернон.

Письмо двадцать шестое

Миссис Джонсон - леди Сьюзен

Эдвард-стрит

Я рада, что Вы ждете моего совета. Вот он: не теряя времени даром, приезжайте в

Лондон, Фредерику же с собой не берите. Было бы куда разумнее упрочить собственное положение в обществе, выйдя замуж за мистера де Курси, чем вызывать раздражение у него и у всех членов семьи стремлением выдать Фредерику за сэра Джеймса. Вам следует больше думать о себе и меньше о своей дочери. Она не прибавит Вам уважения в свете, и в Черчилле, у Вернонов, мне кажется, ей самое место; вы же созданы для общества, и нелепо обрекать себя на жизнь вне его. А потому предоставьте Фредерике мучиться угрызениями совести за те страдания, которые она Вам причинила; пусть терзается от неразделенной любви, Вы же не мешкая отправляйтесь в Лондон.

Уговариваю Вас приехать еще по одной причине.

На прошлой неделе в Лондон прибыл Мэнверинг, которому, невзирая на мистера Джонсона, удалось найти возможность со мной увидеться. Он безумно страдает без Вас и до такой степени ревнует Вас к де Курси, что в настоящее время их встреча была бы весьма нежелательна. И все же, если Вы откажетесь от встречи с ним здесь, не поручусь, что он не совершит какой-нибудь опрометчивый поступок, к примеру, не отправится в Черчилл, что привело бы к самым ужасным последствиям. Если же Вы последуете моему совету и решитесь выйти замуж за мистера де Курси, Вам необходимо отделаться от Мэнверинга - уговорить же его вернуться к жене можете только Вы.

И еще одно соображение в пользу Вашего приезда. В следующий вторник мистер Джонсон уезжает лечиться в Бат, и, если воды будут способствовать его здоровью и моим желаниям, в обществе своей подагры он проведет не один месяц. В его отсутствие у нас будет возможность общаться с кем мы пожелаем и пожить наконец-то в свое удовольствие. Я предложила бы Вам переехать на Эдвард-стрит, не возьми он с меня слова никогда не приглашать Вас к себе домой. Поверьте, если бы не крайняя нужда в деньгах, я бы никогда не дала ему этого обещания. Могу, однако, снять Вам прелестную квартиру с гостиной на Аппер-Сеймур-стрит, и тогда мы все время будем вместе, у Вас или у меня, ведь согласно данному мною обещанию Вам возбраняется (по крайней мере, в его отсутствие) лишь ночевать у нас дома.

Чего только не рассказывает бедный Мэнверинг о ревности своей супруги! Впрочем, на верность столь обворожительного мужчины рассчитывать может лишь очень глупая женщина. К слову, она всегда была непереносимо глупа - иначе не вышла бы за него замуж. Ведь он без гроша за душой, а она - наследница огромного состояния! Могла бы найти жениха познатней баронета! Выйдя же за него, она совершила поступок столь опрометчивый, что, хоть я, как правило, и не разделяю чувств мистера Джонсона, который был ее опекуном, простить ее я также никогда не смогу.

Прощайте,

Ваша Алисия.

Письмо двадцать седьмое

Миссис Вернон - леди де Курси

Черчилл

Это письмо, дорогая матушка, Вам передаст Реджинальд. Его затянувшийся визит в Черчилл наконец подходит к концу, но, боюсь, расставание произошло слишком поздно и нам оно уже не поможет. Она уезжает тоже - в Лондон, повидаться со своей ближайшей подругой, миссис Джонсон. Поначалу она решила взять Фредерику с собой, для продолжения учебы, однако нам удалось ее отговорить. Фредерике ужасно не хотелось ехать, да и для меня мысль о том, что девочка будет целиком зависеть от матери, совершенно непереносима. Все столичные учителя, вместе взятые, не стоят ее душевного покоя. Опасение вызывает у меня и ее здоровье - вообще все, за исключением, пожалуй, жизненных принципов; здесь, как мне представляется, ей не способен повредить никто, даже ее собственная мать со своими друзьями. А ведь именно в обществе ее друзей (уверена, людей весьма сомнительных) или же в полном одиночестве она, должно быть, проводила большую часть времени - какое из двух зол худшее, сказать трудно. Если же она и впредь будет жить вместе с матерью, ей не избежать частых встреч с Реджинальдом, а этого мы допустить

никак не можем.

Пока, однако, ей все это не грозит. Наши каждодневные занятия, наши книги и беседы, прогулки, дети и все прочие домашние радости, которые я могу доставить бедняжке, надеюсь, позволят ей постепенно забыть о пылком увлечении юных лет. Я бы ни на минуту в этом не усомнилась, не будь соперницей Фредерики ее собственная мать.

Сколько времени леди Сьюзен пробудет в Лондоне и вернется ли сюда вновь, мне неизвестно. Искренне просить ее вернуться я бы не смогла но, если она все же сочтет нужным приехать, отсутствие радушия с моей стороны ее, естественно, не остановит.

Узнав, что ее светлость направляется в Лондон, я не удержалась и спросила Реджинальда, не намеревается ли он провести эту зиму в столице, и хоть он и ответил, что на сегодняшний день определенных планов на этот счет не имеет, что-то в его глазах противоречило его словам. Но довольно жалоб. Дело представляется мне решенным, и я в отчаянии покоряюсь судьбе. Если он в скором времени простится с Вами и уедет в Лондон, все будет кончено.

Преданная Вам

Кэтрин Вернон.

Письмо двадцать восьмое

Миссис Джонсон - леди Сьюзен

Эдвард-стрит

Бесценный друг,

пишу это письмо в глубокой печали - только что произошло нечто крайне неприятное. Мистер Джонсон изыскал способ досадить нам обеим. Полагаю, до него дошли слухи, что в ближайшее время Вы будете в Лондоне, и он ухитрился слечь с таким приступом подагры, из-за которого его поездка в Бат в лучшем случае откладывается, в худшем - отменяется вовсе. Я убеждена, подагрические приступы моего супруга начинаются и прекращаются по его собственному усмотрению; то же самое произошло, когда я собиралась с Гамильтонами на озеро; три же года назад, когда в Бат захотелось поехать мне, он о подагре и думать забыл.

Я рада, что мое письмо оказало на Вас благотворное воздействие и что теперь де Курси безусловно Ваш. Дайте знать, как только приедете, главное же, сообщите, как Вы собираетесь поступить с Мэнверингом. Когда мне удастся Вас увидеть, сейчас сказать невозможно. Я повязана по рукам и ногам. Заболеть здесь, а не в Бате - уловка настолько дьявольская, что я совершенно собой не располагаю. В Бате вокруг него хлопотали бы его старые тетушки, здесь же уход за ним - целиком моя обязанность; к тому же боль он переносит с таким стоическим терпением, что я лишена возможности дать выход своему раздражению.

Всегда Ваша

Алисия.

Письмо двадцать девятое

Леди Сьюзен - миссис Джонсон

Аппер-Сеймур-стрит

Дорогая Алисия,

мистера Джонсона я ненавидела всем сердцем и до его последнего приступа подагры, теперь же отвращение, которое я к нему питаю, поистине не имеет границ. Держать Вас взаперти! Использовать в качестве сиделки! Вы, моя дорогая Алисия, совершили непоправимую ошибку, выйдя замуж за человека его возраста. В его годы мужчины не обращают на женщин внимания, они сумасбродны и мучаются подагрой. Ваш муж слишком стар, чтобы доставлять удовольствие, и недостаточно стар, чтобы отправиться на тот свет.

Я приехала вчера к вечеру, часов около пяти, и не успела пообедать, как явился Мэнверинг. Знали бы Вы, какое удовольствие он мне доставил своим визитом, сколь велика разница между ним и Реджинальдом, причем никак не в пользу последнего. Я даже провела часа два в колебаниях, стоит ли вообще выходить замуж за Реджинальда, и хотя сомнение это слишком вздорно и нелепо, чтобы надолго задержаться в моем сознании, особого

желания вступать с ним в брак я не испытываю, равно как и не жду с нетерпением того дня, когда Реджинальд, согласно нашей договоренности, приедет в Лондон. Возможно даже, я под тем или иным предлогом его приезд отложу. Ему нельзя здесь появляться, покуда не уедет Мэнверинг.

Брак с Реджинальдом, повторяю, временами вызывает у меня большие сомнения. Если бы знать, что старик скоро умрет, я бы не колебалась; однако зависимость от капризов сэра Реджинальда непременно ущемит мою свободу; если же я приму решение дожидаться его смерти, то в оправдание отсрочки брака всегда смогу сказать, что овдовела совсем недавно.

Мэнверингу о своих намерениях я не сказала ни слова - мои отношения с Реджинальдом он считал не более чем заурядным флиртом и несколько успокоился. Прощайте же. От квартиры я без ума.

Всегда Ваша

С. Вернон.

Письмо тридцатое

Леди Сьюзен - мистеру де Курси

Аппер-Сеймур-стрит

Я получила Ваше письмо, и, хотя, не скрою, была рада, что Вы с нетерпением ждете встречи, считаю необходимым срок нашего свидания отложить. Не сочтите подобное своеволие проявлением черствости и не обвиняйте меня в непостоянстве, не выслушав прежде мои резоны. По пути из Черчилла в Лондон у меня было довольно времени поразмыслить о нынешнем состоянии наших отношений, и я пришла к убеждению, что они требуют тактичности и осмотрительности, каковыми мы с Вами нередко пренебрегали. Наши чувства побуждают нас к поспешности, которая плохо соотносится с требованиями наших друзей и мнением света. Мы действовали неблагоразумно, строя планы нашего скорого союза, не будем же усугублять это безрассудство: есть все основания опасаться, что друзья, чьим мнением Вы дорожите, не одобряют наших отношений.

Не нам обвинять Вашего отца за его желание подыскать Вам выгодную партию; когда состояние семьи столь велико, стремление его приумножить - в порядке вещей и не может вызывать удивления или негодования. Он имеет право настаивать, чтобы его невестка была женщиной состоятельной, и я иной раз ругаю себя за то, что позволяю Вам вести себя столь недальновидно. Впрочем, всякий, кто испытывает чувства, подобные моим, поддается доводам рассудка, увы, слишком поздно.

Овдовела я лишь несколько месяцев назад, и как бы мало ни была я обязана покойному супругу своим семейным счастьем, я не вправе забывать, что бестактность столь поспешного второго брака вызовет недовольство света и, что для меня еще более невыносимо, неудовольствие мистера Вернона. Я бы сумела перенести всеобщее порицание, однако упасть в его глазах мне было бы, как Вы сами хорошо понимаете, особенно тяжело; мучительным было бы и сознание того, что я поссорила Вас с Вашей семьей. От мысли, что я стала камнем преткновения в отношениях сына и отца, я как существо ранимое была бы глубоко несчастна даже с Вами.

А потому желательно отсрочить наш союз до тех пор, покуда события не будут нам благоприятствовать. Разлука пойдет нам на пользу. Нам не следует встречаться. Какой бы жестокой ни казалась Вам эта фраза, необходимость произнести ее, каковая только и может оправдать ее в моих устах, станет очевидной и Вам, если Вы посмотрите на наше положение в том свете, в каком я вынуждена была Вам его представить. Вы можете, нет, Вы должны быть уверены в том, что лишь долг вынудил меня, позабыв собственные чувства, настоять на длительной разлуке; в безразличии же к Вашим чувствам Вы вряд ли можете меня упрекнуть. Поэтому, повторюсь, пока нам не следует встречаться. Расставшись на несколько месяцев, мы успокоим миссис Вернон, которая, привыкнув наслаждаться всеми благами жизни, считает богатство непременным условием любого брака и которой не дано постичь наши с Вами чувства.

С нетерпением жду от Вас ответа. Напишите, что принимаете мои доводы и меня за

них не упрекаете. Я не вынесу упреков. Я не столь самоуверенна, чтобы испытывать нужду в критике. Попытаюсь найти отдушину в светском обществе - по счастью, многие мои друзья сейчас в Лондоне, Мэнверинги в том числе. Вы ведь знаете, как я ценю их обоих, и жену и мужа.

Всегда преданная Вам

С. Вернон.

Письмо тридцать первое

Леди Сьюзен - миссис Джонсон

Аппер-Сеймур-стрит

Любезный друг,

этот несносный Реджинальд здесь! Мое письмо, которое писалось затем, чтобы удержать его в Черчилле, лишь ускорило его приезд в Лондон. Как бы мне ни хотелось, чтобы его здесь не было, столь красноречивое свидетельство его сердечной привязанности не может не радовать. Он предан мне - душой и телом. Эту записку он отнесет Вам сам, она явится предлогом для знакомства, к которому он давно стремится. Позвольте ему провести этот вечер с Вами - тогда мне не будет грозить опасность, что он сюда возвратится. Я сказала ему, что не совсем здорова и должна побыть одна; если же он явится вновь, может получиться конфуз - на слуг ведь полагаться нельзя. А потому умоляю, задержите его на Эдвард-стрит. Собеседник он совсем неплохой, можете кокетничать с ним сколько вздумается. Вместе с тем не забывайте и о моем интересе: постарайтесь убедить его, что, если он останется в Лондоне, я буду глубоко несчастна. Мои доводы Вам известны: благопристойность и все прочее. Я бы уговорила его сама, но мне не терпелось поскорей от него избавиться - Мэнверинг будет у меня через полчаса. Прощайте.

С. В.

Письмо тридцать второе

Миссис Джонсон - леди Сьюзен

Эдвард-стрит

Моя дорогая,

я пребываю в ужасном смятении и не знаю, что мне делать - да и Вам тоже. Мистер де Курси явился в самое неудачное время. В ту же самую минуту вошла и миссис Мэнверинг и потребовала, чтобы ее немедленно проводили к ее опекуну. Впрочем, я узнала обо всем этом позже, ибо, когда она и Реджинальд приехали, меня дома не было - иначе я бы, разумеется, под любым предлогом отправила его восвояси. В результате она заперлась с мистером Джонсоном, а он тем временем дожидался меня в гостиной. Миссис Мэнверинг приехала еще вчера, выслеживая супруга, - возможно, впрочем, Вам уже это известно от него самого. К нам же она пришла просить мужа вмешаться, и еще до моего возвращения все, что Вы хотели скрыть, открылось. К несчастью, ей удалось выведать у слуги Мэнверинга, что его хозяин, с тех пор как Вы в городе, бывает у Вас каждый день. Она только что сама видела, как он звонил в Вашу дверь! Что мне было делать? Ведь факты - страшная вещь! Сейчас де Курси знает все, в данный момент он беседует с мистером Джонсоном. Не ругайте меня: предотвратить случившееся было не в моих силах. Мистер Джонсон уже давно подозревал, что де Курси хочет на Вас жениться, и, как только узнал, что он здесь, пожелал говорить с ним с глазу на глаз.

Эта гнусная миссис Мэнверинг, которая, хочу Вас порадовать, от ревности стала еще более тощей и уродливой, по-прежнему у нас - сейчас они шушукаются втроем. Что тут поделаешь? Если Мэнверинг еще у Вас, пусть поскорей уходит. Надеюсь, что он, по крайней мере, сумеет досадить своей жене. С тревогой и наилучшими пожеланиями,

преданная Вам

Алисия.

Письмо тридцать третье

Леди Сьюзен - миссис Джонсон

Аппер-Сеймур-стрит

Довольно досадное - *claicissement*. Как жаль, что Вас не случилось дома! Я-то полагала, что к семи Вы уж наверняка возвратитесь. Впрочем, я не падаю духом. Не терзайтесь из-за меня. Поверьте, перед Реджинальдом я оправдаться сумею. Мэнверинг ушел только что; о приезде жены он мне сообщил. Глупая женщина! Чего она хочет добиться этими интригами? И все же было бы лучше, останься она в Лангфорде.

Реджинальд, конечно, немного пошумит, но как обычно уже завтра к обеду все уладится.

Прощайте,

С. В.

Письмо тридцать четвертое

Мистер де Курси - леди Сьюзен

Гостиница

Пишу лишь затем, чтобы попрощаться. Колдовские чары развеялись. Теперь я вижу Вас такой, какая Вы есть. С тех пор как мы расстались вчера, человек, чей авторитет непререкаем, сообщил мне о Вас такое, что окончательно и бесповоротно убедило меня, в каком заблуждении я пребывал, а также в крайней необходимости порвать с Вами - незамедлительно и навсегда. Вы наверняка догадались, на что я намекаю. Да, речь идет о Лангфорде. Лангфорд - одного этого слова будет довольно. Сведения о происшедших там событиях я почерпнул в доме мистера Джонсона, от самой миссис Мэнверинг.

Вы знаете, как я любил Вас, и судить о моих нынешних чувствах можете как никто другой. Но я не настолько слаб, чтобы находить удовольствие в описании этих чувств женщине, которая торжествует оттого, что умеет разбивать сердца, оставаясь равнодушной.

Р. де Курси.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ

Леди Сьюзен - мистеру де Курси

Аппер-Сеймур-стрит

Не стану даже пытаться описать Вам то изумление, в какое повергла меня Ваша записка, полученная только что. Теряюсь в догадках, что такого могла сказать Вам миссис Мэнверинг, отчего Вы так ко мне переменились. Разве в свое время я не объяснила Вам сама все то, что в моем поведении могло показаться двусмысленным и что недоброжелательство света обратило против меня? Что на этот раз могло поколебать Ваше уважение ко мне? Разве я когда-нибудь что-то от Вас скрывала? Реджинальд, Вы пугаете меня сверх всякой меры. Я не могу себе представить, что старая история ревности миссис Мэнверинг вновь извлечена на свет. И что история эта может на кого-то произвести впечатление. Приезжайте немедленно и объяснитесь - я решительно отказываюсь понимать, что происходит. Поверьте, слово Лангфорд не столь многозначительно, чтобы заменить собой все остальные слова. Если же нам суждено расстаться, то будет, по крайней мере, прилично попрощаться при личной встрече. Впрочем, у меня нет настроения каламбурить, я говорю серьезно: уронить себя, пусть всего лишь на час, в Ваших глазах - это унижение, которому я не могу себя подвергать. Приезжайте - я считаю минуты до нашей встречи.

С. В.

Письмо тридцать шестое

Мистер де Курси - леди Сьюзен

Гостиница

Зачем Вы мне писали? Зачем требуете объяснений? А впрочем, извольте. Вынужден заявить, что сведения о Вашем недостойном поведении при жизни и после смерти мистера Вернона, ставшие общеизвестными и дошедшие до меня, сведения, которым, прежде чем я Вас увидел, я полностью поверил, а затем под воздействием Ваших дьявольских талантов верить перестал, оказались абсолютно бесспорны. Больше того, теперь я убежден в том, о чем раньше не мог и помыслить: между Вами и человеком, чью семью в ответ на гостеприимство, Вам оказанное, Вы лишили покоя, не только существовала, но и по сей день существует недозволенная связь! Теперь я знаю доподлинно: после отъезда из Лангфорда Вы

состоите с ним в переписке, именно с ним, а не с его женой! После Вашего приезда в Лондон он бывает у Вас всякий день. И вы еще можете, смеете это отрицать?! И все это время Вы поощряли, принимали мою любовь! Нет, я должен быть благодарен судьбе! Мне незачем жаловаться и тяжело вздыхать. Мне угрожало мое собственное безрассудство, своим же спасением я обязан доброте и великодушию другого. Но как утешить бедную миссис Мэнверинг, которая находится на грани умопомешательства?!

После этого открытия Вас едва ли удивит мое желание поскорей распрощаться с Вами. Я вновь пребываю в здравом уме и в равной мере питаю отвращение к хитроумным уловкам, на которые поддался, и презрение к самому себе за ту слабость, которой объясняется их успех.

Р. де Курси.

Письмо тридцать седьмое

Леди Сьюзен - мистеру де Курси

Аппер-Сеймур-стрит

Я удовлетворена и, написав эти несколько строк, не стану более Вас тревожить. Союз, к которому еще две недели назад Вы так стремились, не согласуется более с Вашими взглядами, и мне отраднее, что благоразумный совет, данный Вам Вашими родителями, не пропал даром. Не сомневаюсь, сей акт сыновнего послушания позволит Вам в самом скором времени обрести утраченный было душевный покой, и льщу себя надеждой, что в конечном счете обрету его и я.

С. В.

Письмо тридцать восьмое

Миссис Джонсон - леди Сьюзен

Эдвард-стрит

Ваш разрыв с мистером де Курси огорчил, но не удивил меня - о том, что отношения Ваши прекращены, он только что известил мистера Джонсона письмом, где говорится, что он сегодня же покидает Лондон. Поверьте, я всецело разделяю Ваши чувства, и не сердитесь на меня, если я скажу Вам, что и наше общение, даже письменное, придется в ближайшее время прекратить. Мне это крайне неприятно, но мистер Джонсон предупредил, что, если я буду и впредь поддерживать с Вами связь, он навсегда переедет в загородное поместье, а Вы сами понимаете, что на такую жертву, куда остается хоть какой-то выбор, я пойти не могу.

Вы, разумеется, слышали, что Мэнверинги расстаются; боюсь, миссис М. вновь переедет к нам. Она тем не менее по-прежнему так любит своего мужа, так страдает из-за него, что, по всей вероятности, долго не проживет.

Мисс Мэнверинг только что приехала в Лондон к своей тете и, говорят, заявила, что не уедет, куда сэр Джеймс Мартин не будет принадлежать ей. На Вашем месте я бы, не раздумывая, занялась им сама. Да, чуть не забыла поделиться с Вами своими впечатлениями о де Курси: я от него без ума, он, по-моему, ничуть не менее красив, чем Мэнверинг, у него такое открытое, честное лицо, что поневоле влюбишься с первого взгляда. С мистером Джонсоном они стали закадычными друзьями. Прощайте же, моя дорогая Сьюзен. Жаль, что все так неудачно сложилось. Ах, если б не этот злополучный визит в Лангфорд! А впрочем, все к лучшему - от судьбы ведь не уйдешь.

Искренне преданная Вам

Алисия.

Письмо тридцать девятое

Леди Сьюзен - миссис Джонсон

Аппер-Сеймур-стрит

Моя дорогая Алисия,

подчиняюсь необходимости расстаться с Вами. В сложившихся обстоятельствах Вы не могли поступить иначе. Наша дружба от этого не пострадает: в более счастливые времена, когда Вы будете так же независимы, как и я, мы соединимся вновь и будем по-прежнему близки, как раньше. Этого дня я буду ждать с нетерпением, пока же могу Вас заверить:

никогда прежде не чувствовала я себя так легко и свободно, никогда не была так довольна собой, как теперь. Вашего мужа я ненавижу, Реджинальда презираю и счастлива от мысли, что никогда не увижу ни того, ни другого. Подумайте сами, разве нет у меня оснований радоваться? Мэнверинг предан мне больше чем когда-либо, и, будь он свободен, я вряд ли смогла бы ему отказать, если бы он предложил выйти за него замуж. Если его жена и в самом деле переедет к Вам, в Ваших силах будет это событие ускорить, направив ее бурные чувства, которые, надо полагать, сильно ее истощают, в нужное русло. Очень на Вас в этом отношении рассчитываю. Признаться, я чрезвычайно довольна, что избежала брака с Реджинальдом, и в равной степени намерена спасти от него Фредерику. Завтра я заберу ее из Черчилла, и тогда Марии Мэнверинг несдобровать. Фредерика покинет мой дом, только став женой сэра Джеймса. Пусть хнычет, сколько ей вздумается, пусть негодуют Верноны - я настою на своем. Мне надоело потакать чужим капризам, надоело изменять своим принципам в угоду тем, перед кем у меня нет никаких обязательств и к кому я не испытываю никакого уважения. Я слишком многим поступилась, слишком часто позволяла с собой не считаться - но с Фредерикой это не повторится.

Прощайте же, дражайшая из подруг. Желаю Вам, чтобы следующий приступ подагры был более ко времени. И чтобы Вы считали меня неизменно Вашей.

С. Вернон

Письмо сороковое

Леди де Курси - миссис Вернон

Парклендс

Дорогая Кэтрин,

у меня для тебя чудесные новости, и не отошли я тебе письмо сегодня утром, тебя бы миновало огорчительное известие об отъезде Реджинальда в Лондон. Дело в том, что он вернулся, Реджинальд вернулся! И не просить нас дать согласие на его брак с леди Сьюзен, а сообщить, что они расстались навсегда! Приехал он всего час назад, и у меня не было возможности узнать обо всем подробнее; он так подавлен, что я боюсь задавать вопросы; надеюсь, впрочем, что скоро все выяснится. Большого счастья за всю его жизнь он нам не доставлял. Жаль только, что тебя нет сейчас с нами, мы бы очень хотели, мы были бы счастливы, если бы ты приехала как можно скорее. Ты ведь уже давно собираешься, который месяц! Надеюсь, мистер Вернон также найдет время, и, пожалуйста, возьмите всех моих внуков и, разумеется, твою прелестную племянницу - я давно мечтаю ее увидеть. Зима выдалась грустной и тягостной, Реджинальда не было, из Черчилла никто не приезжал, никогда еще это время года не казалось мне таким беспросветным - но теперь, с возвращением Реджинальда, мы словно обрели вторую молодость. Я часто думаю о Фредерике, и, когда Реджинальд вновь повеселеет (что, хочется верить, вскоре произойдет), мы попытаемся вновь лишить его покоя, и, надеюсь, не за горами тот день, когда их руки и сердца соединятся.

Любящая тебя мать

С. де Курси.

Письмо сорок первое

Миссис Вернон - леди де Курси

Черчилл

Дорогая матушка,

Ваше письмо меня несказанно удивило. Неужто они и в самом деле расстались - и навсегда? Я была бы на седьмом небе от счастья, если бы могла в это поверить, но после того, что я пережила, как можно быть в чем-то уверенной? Итак, Реджинальд дома! Я тем более удивлена, что в среду, в день его возвращения в Парклендс, нас совершенно неожиданно посетила леди Сьюзен, у которой был такой радостный и счастливый вид, как будто по возвращении в город ей предстояло пойти с ним под венец. Она провела у нас почти два часа, была, как всегда, обходительна и мила и ни единым намеком не выдала, что между ними произошла какая-то размолвка, какое-то охлаждение. Я поинтересовалась, не

видела ли она в Лондоне моего брата; ответ, как Вы догадываетесь, я знала наперед - мне просто хотелось проследить за выражением ее лица. Однако леди Сьюзен, несколько не смутившись, тут же ответила, что Реджинальд нанес ей визит в понедельник, однако сейчас, надо полагать, он уже вернулся домой. В ту минуту я ей, естественно, не поверила.

Мы с удовольствием принимаем Ваше любезное приглашение и в следующий четверг приедем в Парклендс вместе в детьми. Будем молить Бога, чтобы Реджинальд за это время вновь не сбежал в Лондон!

Мы бы, конечно, захватили с собой и нашу дорогую Фредерику, однако вынуждена с грустью сообщить, что леди Сьюзен приезжала специально затем, чтобы ее забрать, и, хотя девочка ужасно огорчилась, задержать ее было невозможно. Мне очень не хотелось ее отпускать, и ее дяде тоже, и мы сделали все, что было в наших силах, чтобы уговорить леди Сьюзен ее оставить. Однако, вопреки всем нашим уговорам и доводам, она заявила, что собирается пробыть в Лондоне несколько месяцев и, сославшись на учителей и проч., хотела бы, чтобы дочь была с ней. Надо признать, вела она себя с девочкой на этот раз очень ласково, и мистер Вернон полагает, что впредь Фредерика будет окружена материнской любовью. Я на этот счет совсем другого мнения!

Разлука с нами повергла девочку в отчаяние. Я попросила ее, чтобы она писала мне как можно чаще и помнила, что, если она попадет в беду, мы всегда придем ей на помощь. Эти слова я изыскала возможность сказать ей наедине, и, мне кажется, она немного приободрилась. Я же не буду спокойна за нее до тех пор, пока не поеду в Лондон и собственными глазами не увижу, что у нее все хорошо.

Боюсь, тот союз, о котором Вы пишете в заключительной части Вашего письма, в настоящее время едва ли возможен. Будем надеяться, что в будущем вероятность его возрастет.

Ваша и проч.

Кэтрин Вернон.

Заключение

Обмен письмами, из которых читатель узнает о встречах одних и расставаниях других, не может, к величайшему огорчению чиновников почтового ведомства, продолжаться далее. Немногое можно узнать о положении дел и из переписки миссис Вернон и ее племянницы, ибо миссис Вернон вскоре поняла, что на ее письма Фредерика отвечает под пристальным надзором матери, и, отложив выяснение всех обстоятельств до собственного приезда в Лондон, перестала писать подробно и часто.

Выведав тем временем у своего прямодушного брата, что произошло между ним и леди Сьюзен, которая в результате пала в ее глазах еще ниже, она преисполнилась решимости забрать Фредерику у матери и самой заняться ее воспитанием и, хотя надеяться на успех особенно не приходилось, вознамерилась использовать все возможные средства для получения согласия своей невестки. Ей не терпелось как можно скорее выехать в Лондон, и мистер Вернон, который, как читатель уже, должно быть, догадался, жил единственно ради того, чтобы угождать жене, вскоре нашел для поездки подходящий повод. Сразу после приезда в столицу миссис Вернон нанесла леди Сьюзен визит и была принята с такой непринужденностью и искренним расположением, что едва не пришла от этого приема в ужас. Ни слова о Реджинальде, ни малейшего чувства вины, полное отсутствие смущения! Леди Сьюзен пребывала в превосходном настроении и, оказывая брату и сестре всевозможные знаки внимания, всем своим видом давала понять, как она ценит их доброту и какое удовольствие получает от их общества.

Фредерика изменилась ничуть не больше, чем леди Сьюзен - та же сдержанность, тот же робкий взгляд в присутствии матери убедили тетку, что девочке по-прежнему живется несладко и необходимо эту жизнь изменить. Вместе с тем леди Сьюзен вела себя с дочерью ласково, уговоры выйти замуж за сэра Джеймса прекратились, лишь однажды было вскользь замечено, что его в Лондоне нет; вообще весь разговор сводился к тому, что леди Сьюзен печется исключительно о ее благополучии и успехах и должна с радостью признать, что

Фредерика день ото дня все больше становится такой, какой она желала бы ее видеть.

Миссис Вернон была всем этим так удивлена, что терялась в догадках, и хотя планы ее нисколько не изменились, она чувствовала, что теперь осуществить их будет гораздо сложнее. Надежда появилась, когда леди Сьюзен поинтересовалась, не кажется ли ей, что Фредерика выглядит хуже, чем в Черчилле, и поделилась своими сомнениями о благотворном влиянии на дочь лондонского климата.

Со своей стороны усомнилась и в этом миссис Вернон, которая без обиняков предложила, чтобы племянница вернулась к ним в Черчилл. Леди Сьюзен была настолько тронута, что не сумела найти слов, дабы выразить невестке свою благодарность, однако по ряду причин не могла расстаться со дочерью и, заявив, что в самом скором времени, весьма вероятно, сама сможет увезти Фредерику из города, заключила, что, к сожалению, вынуждена от столь заманчивого и любезного предложения отказаться. Миссис Вернон тем не менее настаивала на своем, и хотя леди Сьюзен упорствовала в своем отказе, в течение последующих дней ее сопротивление несколько ослабло.

По счастью, опасность инфлуэнцы решила дело. Леди Сьюзен так испугалась за дочь, что иными соображениями более не руководствовалась. Почему-то именно инфлуэнца, по ее разумению, представляла несравненно большую опасность для здоровья дочери, чем любые другие недуги. Фредерика вернулась в Черчилл с дядей и тетей, а спустя три недели леди Сьюзен объявила о своем браке с сэром Джеймсом Мартином.

Тогда только миссис Вернон окончательно поняла то, о чем раньше лишь подозревала: она могла не тратить столько сил на уговоры, ибо решение отдать ей Фредерику леди Сьюзен приняла уже давно. Согласно первоначальной договоренности, Фредерика должна была пробыть у Вернонов полтора месяца, однако ее мать, написав, правда, дочери пару нежных писем с предложением вернуться, в конце концов сочла возможным согласиться на приглашение родственников продлить визит племянницы и в течение последующих двух месяцев перестала писать Фредерике о том, как ей ее не хватает, а спустя еще два месяца перестала писать ей вовсе.

Таким образом, Фредерику решено было оставить в семье дяди и тети до того времени, когда Реджинальд де Курси, вследствие душещипательных бесед, лести и уговоров, в нее влюбится, на что, покуда он справится с чувствами к ее матери, откажет себе во всех увлечениях и будет ненавидеть слабый пол, отводилось никак не меньше года. Обычно на это уходит три месяца, но ведь чувства Реджинальда были не только сильными, но и очень прочными.

Была ли леди Сьюзен счастлива в своем втором браке, установить очень трудно, ибо кто поручится за правдивость ее слов? Нам остается только гадать. Ясно одно - помешать ее счастью могли лишь ее муж и ее совесть.

Быть может, сэру Джеймсу и впрямь повезло меньше, чем обычно везет глупцам. Даже если это и так, пусть его жалеют те, кто преисполнен высшего милосердия. Я же, признаться, испытываю жалость лишь к мисс Мэнверинг. Ведь чтобы покорить сердце сэра Джеймса, она приехала в Лондон и выложила на наряды такую сумму, которая подорвала ее бюджет по меньшей мере на два ближайших года, - и все же была вынуждена уступить его женщине старше себя на десять лет.